

Vera Tchentsova

<http://orcid.org/0000-0003-4529-7920>
 École pratique des hautes études, Paris
 graougraou@hotmail.com
 DOI: 10.35765/pk.2022.3803.08

Мелетий Охридский и синаиты в Нежине в конце XVII в.

РЕЗЮМЕ

Мелетий, бывший охридский архиепископ, жил на территории Украины с 1680 до 1695 г., пользуясь там всеобщим почитанием как «патриарх Ахридский». Он был тесно связан с запорожским гетманом Иваном Самойловичем и даже после ссылки гетмана продолжал поддерживать отношения с членами его семьи. Благодаря щедрости гетмана архиепископ сумел приобрести владения в одном из богатейших украинских городов, Нежине, оставив их затем в наследство Синайскому монастырю. Сделанное Мелетием завещание объясняется его давними связями с синайскими монахами и с представителями этой влиятельной монашеской общины на польско-литовских и украинских землях. Впрочем, попытки синаитов закрепить наследство Мелетия за своим монастырем встретили противодействие со стороны как местного греческого православного братства, так и иерусалимского патриарха Досифея II. В статье исследуется начало и первый этап их борьбы за владения «ахридского патриарха». Сохранившиеся в России архивные материалы позволяют по-новому взглянуть на присутствие синаитов на украинских землях и их стремление укрепить там свое влияние.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Охридское архиепископство, Киевская митрополия, Нежин, греческое православное братство, Синай

ABSTRACT

Meletius of Ohrid and the Sinaites in Nizhyn in the end of the 17th century

Meletius, ex-Archbishop of Ohrid, resided in Ukrainian territories between 1680 and 1695, being highly respected there as a “patriarch of Achrida.” He was in close relations with the Zaporizhian hetman Ivan Samoilovych, and even after the latter’s exile continued to maintain contacts with hetman’s family. Thanks to the hetman’s generosity, the archbishop accumulated a patrimony in one of the richest Ukrainian cities, Nizhyn, which he ultimately bequeathed to the monastery of Mount Sinai. This legacy could be explained

by Meletius' long-term connections with Sinaite monks and with the representatives of this influential monastic community in Polish-Lithuanian and Ukrainian lands. However, their attempts to secure the inheritance of Meletius' estate met with the opposition of both the local Greek religious confraternity and patriarch Dositheus II of Jerusalem. The article analyses the origin and first stage of their struggle for the "patriarch of Ohrid's" possessions. Archived materials conserved in Russia offer new insight on the Sinaites' presence in Ukraine, where they strove to bolster their influence.

KEYWORDS: Archbishopric of Ohrid, Metropolitanate of Kyiv, Nizhyn, Greek Orthodox confraternity, Sinai

В синодик Введенской церкви в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры (вторая пол. XVII в.) летом 1685 г. был внесено имя «святейшого патриарха Мелетия Ахридского», а также его «род и поминание» из двух человек, скорее всего, родителей «патриарха»: «иерея Соломона» и «инокини Магдаленны»¹. Речь здесь идет о предстоятеле архиепископства Охрида (греч. «Ахрида»), бывшего Тырновского патриархата. Как автокефальная церковь Охридская кафедра существовала с X в. до 1767 г., причем по традиции, сохранявшейся со времен Болгарского царства и укрепившейся к концу XVII в., архиепископы Охрида гордо назывались патриархами². Впрочем, поскольку кафедра еще в византийское время стала хоть и автокефальным, но лишь архиепископством, в официальное титулование это обозначение не включалось.

В *Синайском помяннике*, часть записей которого была сделана во время поездок по Украине архимандрита Синайского монастыря Кирилла в 1683–1684 г., также обнаруживается греческая запись «смирненного Мелетия, бывшего архиепископа Охридского» (Altbauer, Ševčenko, Struminsky, 1989, 177, fol. 109 v; Altbauer, 1992, 51, 60). В ней указаны для поминовения те же имена Соломона и «монахини Магдалины», к которым прибавлены четыре: Параскевы, Кириака, Панайотицы и Аргирии (их связь с семьей Мелетия неясна) (Altbauer, 1992, 60). Записи в обоих помянниках были, очевидно, сделаны по инициативе самого Мелетия, уже к тому времени несколько лет пребывавшего на Левобережье Днепра. Приезд бывшего охридского архиерея на

1 Кузьмук, 2007, 96; Жарких, 2018, 350–351. Датировка записи была сделана по окружающему ее контексту – записям апреля–сентября 1685 г.

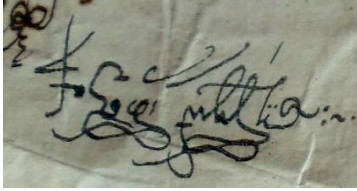
2 Gelzer, 1902, 176–184; Κονιδάρης, 1963, кол. 541–550; Снегаров, 19952, 128–155, 378–384; Prinzing, 2021, 159–177; Sekulovski, 2021, 413–451; Popović, 2021, 156–160. Как указывал А. Ангелопулос, название «патриархат» сохранялось для «внутреннего пользования» как наименование ψιλῶ ὀνόματι, в то время как в официальных документах иерархи назывались «архиепископами»: Angelopoulos, 1983, 338–339, 342.

украинские земли совпал с последними годами вакантности киевской церковной кафедры перед тем, как совершился ее переход под управление московского патриарха. Каким же образом в митрополии появился греческий иерарх «патриаршего» статуса, и было ли это связано с проблемами, которые переживала киевская церковь?

«Нареченный патриарх» Мелетий в Москве

Мелетий, судя по сохранившимся о нем известиям, пробыл архиепископом совсем недолго – он занимал кафедру с 15 октября 1676 по 1677 г. (Δελικάνης, 1905, т. 3, 784–787; Άποστολόπουλος, Μιχαηλάρης, 1987, п° 149–150; Gelzer, 1902, 116–117, 134–135, 137). О последующей его судьбе известно из документов московского Посольского приказа: 9 июля 1686 г. вместе с архидиаконом Леонтием, дьяконом Гедсоном и восемью служками Мелетий прибыл в приграничный город Севск, где бывшего архиепископа и его спутников расспрашивали представители местной администрации (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1686 г., д. 11, л. 1, 3). Пробыв в Севске некоторое время, Мелетий был отпущен к Москве. Сам он утверждал, что отправился туда не только ради царской милостыни, но и в надежде получить медицинскую помощь («для излечения от скорби своей», л. 3). Об этом написал в Москву и гетман Иван Самойлович: Мелетий поехал «искати своему здоровью вспоможенья у врачей тамо сущих» (л. 4, 7, 11, 56).

Документы о приезде Мелетия Охридского некогда привлекли внимание Н.Ф. Каптерева, изложившего по ним ряд сведений, которые сообщили бывший иерарх и его спутники (Каптерев, 2008, т. 2, 565–568). Мелетиева карьера архиерея началась с того, что вселенским патриархом Парфением IV он был поставлен митрополитом «на Софийской престол» – в Софию (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1686 г., д. 11, л. 9; Каптерев, 2008, т. 2, 566). Во время пребывания на болгарской кафедре Мелетий вместе с другими членами синода вселенского патриарха Дионисия IV Муселима (1671–1673, 1676–1679, 1682–1684, 1686–1687, 1693–1694) подписал для французского посла Шарля Олье де Нуантеля известную грамоту 1672 г. с изложением исповедания веры, которая была опубликована в книге «Присносущность веры Католической церкви» А. Арно и П. Николя (Paris. BNF gr. 431, fol. 1 [Arnould, Nicole, 1674, т. 3, р. 630]; Παπαδόπουλος–Κεραμεύς, 1891, т. 1, 336).

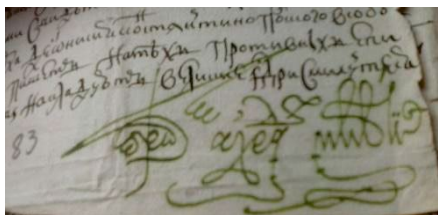
Илл. 1. Paris. BNF gr. 431, fol. 1. Фрагмент.

А спустя некоторое время софийский митрополит был возведен на охридскую кафедру: «Патриарха ахридского епархийные епископы и архиепископы просили, чтоб ему, Мелетию митрополиту, быти на престоле ахридском патриархом. И по тому их прошению поставлен со всего собору тогда приучившихся архиереев и наречен патриархом, и был на том ахридском престоле одно лето»³. Сохранившиеся греческие документы о возведении Мелетия на Охридское архиепископство свидетельствуют о том, что оно проходило в константинопольском храме Св. Георгия не только при участии архиереев Охридского архиепископства и местных архонтов, но и в присутствии вселенского патриарха Дионисия IV и константинопольского синода (Δελικάνης, 1905, т. 3, σ. 784–787). Отъезд архиепископа из Охрида оказался вынужденным, поскольку из-за «великого гонения и нестерпимой тяжести» от «бусурманина и креста святого гонителя турка» Мелетию пришлось оставить кафедру (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1686 г., д. 11, л. 9).

Титул «патриарха» считался хотя и не каноничным, но традиционным для охридских предстоятелей, так что даже в Москве в записи распросных речей Мелетия было отмечено: «А в писмах он, митрополит, пишется Ахридона града нарицаемый патриарх или архиерей» (Там же, л. 10.). Именно так его и продолжали именовать в административной переписке: «Во 194–м году июля в 20 день (т. е. 20 июля 1686 г. – В. Ч.) приехал к Москве преосвященный Мелетий митрополит, нареченный патриарх Ахридона града, а с ним архидиакон да дьякон да служек 8 человек, а тот митрополит у гетмана в черкасских городех жил 6 лет»⁴.

3 РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1686 г., д. 11, л. 9; Каптерев, 2008, 566. Об избрании Мелетия софийским митрополитом 18 марта 1651 г. см.: Ἀποστολόπουλος, Μιχαήλάρης, 1987, по 241, σ. 183–184. Об избрании 24 октября 1676 г. архиепископом «ахридским» после смещения с кафедры Феофана: Ibid., по 149–150, σ. 155; Δελικάνης, 1905, т. 3, σ. 784–786; Geltzer, 1902, 114–116. О синоде Охридской архиепископии см.: Gelzer, 1902, 193–196.

4 РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1686 г., д. 11, л. 1 об., 9. Автографы Мелетия Охридского: Там же, л. 39 об., 52, 83, 115, 98, 115.

Илл. 2. РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1686 г., д. 11, л. 83. Фрагмент.

В Москве Мелетий получил царское жалованье – 30 рублей деньгами и еще 30 соболями, – а также обычные подарки тканями, после чего отбыл в Троице–Сергиев монастырь (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1686 г., д. 11, л. 16, 16 об., 22; Каптерев, 2008, 567–568). В документах отмечено также, что по прошествии некоторого времени ему перестали выплачивать «кормовые», а он «в Палестину ехать не хочет» (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1688 г., д. 6, л. 5). Позже «митрополит... Мелетий города Ахридона с причетники ж и с служки» был определен на жительство в Троице–Сергиев монастырь, где он должен был получить кельи и пропитание подобно прочим архиереям такого ранга «против четырех братьев» (т. е. как четверо монастырских насельников). Если же Мелетий не согласится на «пищу... против четырех братьев», то надлежало предложить ему жить «на своих проторях», т. е. за свой счет, «а их, великих государей, жалованья, корм, им даван не будет, а с Москвы в свою землю за нынешним военным временем отпустить их невозможно» (Там же, л. 11). Мелетию условия Троице–Сергиева монастыря не подошли в том числе и из-за невозможности присутствовать на церковной службе на греческом языке⁵, и он попросился назад в «черкаские городы». В декабре 1687 г. бывший архиепископ выехал в Нежин (Там же, 1686 г., д. 11, л. 87–89, 101, 104–105, 110, 114–117, 123–124).

Записанные в Посольском приказе сведения о том, как «нареченный патриарх» оказался в «черкасских городех», противоречивы. Судя по рассказам самого Мелетия и его спутника, архидьякона Леонтия, после оставления охридской кафедры бывший архиепископ отправился в «Царьград», где прожил то ли три месяца, то ли год. Затем, по свидетельству того же Леонтия, он остановился на полтора года в Молдавии

5 Там же, 1686 г., д. 11, л. 84: «...он человек больной и монастырскою пищею питатца не может, да и для де того, что к церкви ему, будучи в монастыре, ходить не весело, потому что он языка русского не знает, а живучи де на Москве, тем он и веселится, что греческая церковь есть и близко от него. Да от него ж де, архиепископа, захотят сво причетники платы и одежды сверх монастырской пищи, а ему взять будет негде. А на Москве де ему жить на своих проторях не мочно ж за сво скудостью». См. также: Каптерев, 2008, 567–568.

и еще на три месяца в «Польской земле», откуда приехал в Нежин (Там же, л. 3). Сам же архиепископ указал в Москве, что после того, как в течение года жил в Константинополе, он на полтора года задержался в Валахии, затем три месяца провел в «Венгерской земле» – Трансильвании, три месяца – в «Польской земле», после чего добрался до Нежина (Там же, л. 10). Еще одно известие о Мелетии позволяет установить, что в 1678 г. он был уже где-то возле границы с «Польской землей»: в городе Бабадаге бывший архиепископ, якобы, взял у некоего грека Дмитрия Юрьева⁶ 360 левков под заемную кабалу. В Москве представитель этого грека жаловался на то, что архиепископ не возвращает займа, сам же бывший архиерей это отрицал (Там же, л. 111, 118). Подсчеты всех этих сроков, а также известие о том, что в Нежине Мелетий прожил, по его собственным утверждениям, то ли пять лет и девять месяцев, то ли шесть лет (Там же, л. 3, 10), позволяют выяснить время его приезда на украинские земли. Судя по всему, на Левобережье Днепра архиерей приехал в 1680 г., оказавшись на территории, контролируемой Войском Запорожским, во главе которого с 1672 г. стоял гетман Иван Самойлович. Там он и остался уже до конца своей жизни.

Предпочтение владыкой нежинской жизни, видимо, во многом объясняется благоволением к нему гетмана: Самойлович стал покровительствовать Мелетию, который, покинув свою кафедру, пережил, судя по его рассказам, настоящую бедность. Из-за отсутствия каких-либо доходов его покинули даже собственные «причетники и челядники», но зато на украинской территории у него появилась новая свита, отправившаяся с ним в Москву («нынешние ...причетники и слушки пристали к нему в малороссийских городех») (Там же, л. 10). От гетмана архиерей даже получил доходы с близлежащей деревни: «И по указу де гетмана Ивана Самойловича дана была ему для прокормления ево на время деревня, называемая Комаровка, и жил де он в Нежине шесть лет, а от той вышепомянутой деревни питался»⁷.

Патриаршие грамоты

Однако отнюдь не все сочувствовали Мелетию как гетман Самойлович. Не случайно в деле о его приезде появилась выписка, сделанная

6 Возможно, речь идет об одном из родственников семьи Хризоскулов, см.: Ченцова, 2020, 110.

7 РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1686 г., д. 11, л. 10. Речь идет, предположительно, о деревне Комаривка (Борзнянского района) примерно в 25 км к югу от г. Нежина. Благодарю за указание С.О. Павленко.

в Посольском приказе из письма иерусалимского патриарха Досифея, привезенного тем самым гонцом Никитой Алексеевым, который ездил за «отпустительными грамотами» о Киевской митрополии в Адрианополь и Константинополь, вернувшись в Москву осенью 1686 г. (Ченцова, 2020, 9–16, 200–202). В выписке говорилось, что Досифей писал московским государям «подлинно греческим писмом грамоты и прислал государственного Посольского приказу с подьячим Никитой Алексеевым» (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1686 г., д. 11, л. 58), и в этих письмах призывал «обретающихся... тамо [в Киевской митрополии – В. Ч.] архиереев–греков, хиротонисавших многих священников и диаконов во едину литургию, яко же веданием и ради денег согрешившим и злый бывших приклад, неотложно низвергнути и никакому прощению удостоити, и некоего отогнанного архиепископа Ахридонского, притом же и беглеца, украшающесего имянем патриаршеским, яко же лицемера неплевати и ептимисовати» (Там же, л. 59; Каптерев, 2008, 567). Это письмо, сохранившееся не только в виде приведенного фрагмента из архивного дела о пребывании в Москве Мелетия Охридского, но и целиком в русском приказном переводе и даже частично в греческом подлиннике (Ченцова, 2020, 435–436, 454), заставило московские власти в декабре вновь подробно допросить приезжего, попытавшись досконально выяснить его статус. Ведь в патриаршем письме имя архиепископа Мелетия связывается с незаконными поставлениями духовных лиц на территории Киевской епархии и попыткой выдать себя за архиерея, будучи на самом деле не только смещенным с кафедры, но еще и «украшающим» себя «имянем патриаршеским».

Однако Мелетий сразу показал, что у него есть поддержка от высоких кровителей, и что действует он вовсе не противозаконным образом. Про Досифея он отвечал, что тот пытается возвести на него напраслину лишь из враждебности: «Слышал де он, что блаженнейший патриарх иерусалимский Досифей пишет к их царскому пресветлому величеству и предает ево, и глаголет, яко он изгнанный и имеет епитимию церковную на себе, и то де он, иерусалимской патриарх, такую натуру имеет: большим завидует, а меньших изгоняет, боготой де он и мудрой, и пишет без соборного совету, что хочет». В ответ на требования Досифея Мелетий отвечал, что «имеет де он свидетельствованные вселенских патриархов соборные грамоты и советные листы Дионисия Константинопольского, Парфения Александрийского, да советной же лист бывшего константинопольского патриарха Иякова, и чтоб великие государи пожаловали ево, ахридонского архиепископа, нарицаемаго патриарха, велели те вышепомянутые грамоты и листы перевести на славенской язык, и теми де познается правда и невинность ево, и противность, кто на него епитимию и клятву накладывает» (РГАДА, ф. 52,

оп. 1, 1686 г., д. 11, л. 60, 82; Каптерев, 2008, 567). Пять грамот, на которые Мелетий ссылался в свое оправдание, и в самом деле были предъявлены и переведены в декабре 1686 г. (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1686 г., д. 11, л. 61). Их он, судя по всему, получил как раз перед тем, как отправиться к гетману Самойловичу.

Самыми важными из представленных им документов являются две грамоты Дионисия IV Константинопольского. Речь идет о том самом патриархе, который позже, в 1686 г., во время своего следующего патриаршества подписал патриаршие и синодальные грамоты, дающие право московскому патриарху рукополагать киевских митрополитов (и которые были привезены вместе с письмом Досифея Иерусалимского, упоминающим Мелетия). С Дионисием Мелетий был знаком давно: выше уже упоминались его подпись на исповедании веры Дионисия, переданном французскому послу, и участие этого патриарха в возведении самого Мелетия на охридский престол. В одной из патриарших грамот говорилось о сохранении за бывшим архиепископом архиерейского достоинства и права служить по архиерейскому чину. Дионисий был патриархом до 29 июля 1679 г., документ же датирован 27 июля, так что это была, очевидно, одна из последних подписанных грамот времени его вторичного патриаршества (Там же, л. 70–71). «Нареченный патриарх» Мелетий воспользовался предоставленным ему правом «действовать архиерейский чин» на украинском Левобережье, где тогда со времени кончины последнего киевского митрополита Иосифа Нелюбовича–Тукальского в 1675 г. не имелось законного владыки.

Это разрешение было утверждено вторым документом – синодальной и патриаршей грамотой Дионисия IV с датой 1679 г. (видимо, написанной тогда же, что и июльская грамота) (Там же, л. 75–79). В акте, на котором стояли подписи десяти членов синода, говорилось, что бывший архиепископ, пребывающий в «Угровлахийской земле», то есть в Валахии, признается имеющим архиерейский титул:

Яко не имеет над собою никакой епитемии церковной, ниже препоны архиерейской, но смирно отступи и з добрым примирением от своего престола оного, и есть и нарицается преждебывший ахридонский архиепископ. Сего ради и, пиша соборне, повелеваем, да блаженнейший сей архиепископ ахридонский кир Мелетий, иде же лучитца пребывати по подлежащим нам епархиям и нашему патриаршескому престолу да познавается от всех архиерей законный и правильный, и все да примут его со всякою любовью, и благоговением, и честью, и любомудрством, и благоприятством, имеючи волю яже суть архиерейства, иде же призван будет ведомостию и советом места того предстательствующаго, и да благословит и да освятит приходящих к нему христиан архиерейски по церковному обыкновению, долженствующим христианом почитати

его, и восприяти, и даровати, и пособити ему словом и делом, ового убо ради благоговения архиерейства, оваго же ради нужды его, яко не имеющу от епархии воспитания своего, но соизволяему в смиренном житии пребывать и от Бога воспитание [т. е. пропитания – В. Ч.] ожидать, яко да милостыни творяй помощь ему, имати будут от Бога мзду, никому противляющися ему в них же пишем отлучением священства и неразрешенным проклятием. Сице да будет, яко же пишем, и не инако совершенным повелением (Там же, л. 75–77).

Иерусалимский патриарх, таким образом, ошибался, предполагая, что Мелетий выполняет функции архиерея незаконно: у него имелась «грамота позволительная» – разрешение на выполнение архиерейских функций.

Письмо константинопольского патриарха Иакова, преемника Дионисия, занявшего престол 10 августа 1679 г. (и оставшегося патриархом до 30 июля 1682 г.) написано спустя месяц после грамоты Дионисия. Оно датировано 20 августа 1679 г., т. е. является одним из первых документов, подписанных Иаковом после возведения на кафедру (Там же, л. 72–74). Патриарх сообщает о переменах на престоле, о «мятеже нашей Христовей Великой церкви», в результате которого произошло смещение Дионисия IV и его собственное избрание. Примечательно, что от имени Иакова Мелетию был послан и пастырский посох – символ признаваемой за Мелетием архиерейской власти (Там же, л. 73).

Наконец, последний переведенный в приказе документ из числа представленных Мелетием в свое оправдание – письмо александрийского патриарха Парфения (1678 – 30 июня 1688) из молдавского города Галаца от 10 июля 1683 г. Это послание свидетельствует о поддерживавшейся между ним и бывшим охридским архиепископом дружеской переписке. Парфений Александрийский сообщал даже о своей «качужной болезни» – подагре, отметив, что через архидьякона – речь идет о Самуиле Капасулесе, будущем александрийском патриархе, – он получил письмо от Мелетия, а сам (как и Иаков) в ответ отправил тому в Нежин еще и «два посоха от древа финикова» (Там же, л. 63–65)⁸.

Московские переводы писем, подлинники которых не сохранились, позволяют дополнить дошедший в греческом оригинале документ (*συστατικὸν ὑράκιον*), подписанный в Бухаресте патриархом Парфением Александрийским 11 марта 1680 г.⁹ В нем предстоятель просил

8 Архидьякон Самуил Капасулес ездил по поручению патриарха в Москву в 1682–1684 г. (Петрунина, 2019, 659). Письмо Парфения было, таким образом, ответом на полученное от Мелетия через Самуила Капасулеса.

9 Hirtmuzaki, Iorga, 1936, vol. XIV (3), no 19, p. 37–38. А.И. Пападопуло-Керамев обнаружил копию этой грамоты в сборнике, сохранившемся в библиотеке Иерусалимского патриархата

оказывать помощь Мелетию, поскольку покинутая им охридская кафедра имеет долги, а сам бывший архиепископ, надеявшийся жить на покое, лишен средств для пропитания. Поскольку в деле о приезде Мелетия сохранились переводы четырех текстов, он же заявлял о том, что имеет при себе пять грамот (там же, л. 57), возможно, именно это письмо и было этим пятым документом. Близкие по времени к моменту приезда Мелетия на контролируемые гетманом Самойловичем территории датировки полученных им посланий позволяют предполагать, что их подготовка – в особенности же написание грамоты Дионисия IV и окружного письма Парфения Александрийского – были связаны с предполагавшейся в 1679 и начале 1680 г. поездкой: не случайно все они получены как раз перед отъездом.

Свидетельство Хаджикирьякиса. Мелетий и синаиты

Мелетий урегулировал неприятности, доставленные письмом иерусалимского патриарха, и выехал назад в Нежин. В Москве о нем снова слышали лишь десятью годами позже. В январе 1697 г. в Севск, а затем в Москву приехал «греченин Полской земли города Лвова Хаджи Кирияк, економ горы Синайский», известный как Хаджикирьякис. Прозванный «хаджи», «паломником», поскольку бывал в палестинских Святых местах, Кирияк из селения Вурла прославился благодаря напечатанным его иждивением многочисленным гравюрам с видами горы Синай, а также переписке, обнаруженной в архиве Синайского монастыря и изданной Дори Папастрату¹⁰. Грек сообщил о себе в приказе, что происходит из семьи купцов, да и сам много лет торговал в «Палестинских странах» и «по разным местам», при этом «в Полше... он живет лет с тридцать с лишком» (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1697 г., д. 11, л. 6; Папастрату, 1981, 13–18). Грек-житель Речи

(Panag. Taph. 487, fol. 51 r): Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, 1891, т. 1, с. 445. Рукопись, по мнению ученого, принадлежала протосинкеллу вселенского престола и будущему александрийскому патриарху Самуилу Капасулесу – тому самому, который и привозил Мелетию Охридскому и Парфению Александрийскому письма: Ibid., с. 440. А.И. Пападопуло–Керамевс, однако, ошибочно решил, что грамота подписана патриархом Парфением IV Константинопольским.

10 РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1697 г., д. 11, л. 6–7; Папастрату, 1981, 9–35. О знаменитых львовских гравюрах (мастера Никодима Року) с изображением Синайского монастыря («и изображения Синайской горы, которые, где ни явятца, выдание ево, Кирьяково, он те листы печатает»), см.: Папастрату, 1981, 18–26, 180–203. Эти гравюры, которые печатали также на ткани («гора Синайская на полотне», «гора Синайская на полотне шолковом», «образ святых Христовы мученицы Екатерины на тафте»), синаиты привозили и в Москву: РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1698 г., д. 13, л. 56, 68.

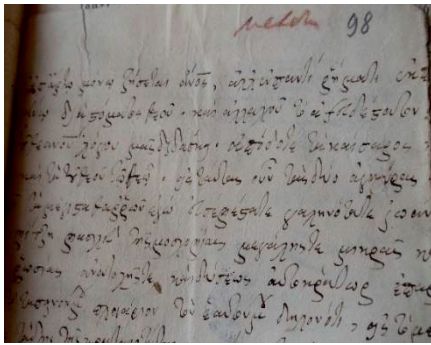
Посполитой был «вкладчиком» (ктитором) Синайского монастыря «Неопалимые купины пресвятыя Богородицы» и весьма важным для этого известного монастыря человеком, ведь «которые того монастыря в Волоской и в Мутьянской и в Сербской землях и в иных местех маестности есть, те все ему приказаны, он их по вся годы надзирает» (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1697 г., д. 11, л. 7; *Папастράτου*, 1981, 26–33). В качестве эконома Синайского монастыря он, таким образом, занимался управлением монастырскими имениями—«маестностями», и сам собирався впоследствии постричься в обитель на Синае (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1697 г., д. 11, л. 7).

Этот деловой человек и предприимчивый издатель, благодаря которому в православном мире широко распространились гравюры с изображением Синайской горы, был и ранее знаком с бывшим архиепископом: сохранилось письмо Мелетия к Хаджикирьякису (от 16 апреля 1689 г.) (*Папастράτου*, 1981, 28–29, 43–44). Не удивительно, что в Москве грек сообщил весьма любопытные сведения о бывшем охридском архиерее:

Да в прошлом де 204–м году [т. е. 1695–1696 г., но на самом деле речь идет о начале 1695 г., поскольку Мелетий скончался в январе, см. далее – *В. Ч.*] ахридонский патриарх Мелетий, которой жил в Нежине, приказал по смерти своей двор свой и церковь, которая зачата строить на том дворе, ему, Кирьяку, чтоб тому двору быть за Синайским монастырем. И для того де писали к нему из Нежина братство, прося его с прилежанием, чтоб он к ним в Нежин приехал, и что на том патриаршем дворе строения описал, и церковь достроил. И он де, Кирьяк, по тому их писму изо Львова в Нежин и поехал, и чтоб быть ему и на Москве в один путь [то есть вся история с нежинским братством – а Хаджикирьякис оказался в Москве в 1697 году, – произошла только что, перед самым его приездом в русскую столицу – *В. Ч.*]. И будучи де он в Нежине, на патриарше дворе строение переписал. И церковь, которая зачата, достроить велел, и приказал он тот патриаршей двор ведать и церковь достраивать черному священнику Иоакиму. И о том де дворе, чтоб ему быть за Синайским монастырем, есть ево, патриарша, духовная. Да и гетман Иван Степанович Мазепа на то поволит и привилей свой на тот двор дал, что ему быть за Синайским монастырем. И приказав де тот двор и церковь вышепомянутому черному попу, из Нежина поехал он чрез Батурин к Москве, и есть де у него гетманской проезжей лист (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1697 г., д. 11, л. 7–8; Чеснокова, 2015, 33, 37).

Изучение документов Посольского приказа о приездах синаитов позволило обнаружить связи Мелетия Охридского с синаитами и в Москве, во время их совместного там пребывания. Царский двор

пожаловал архимандрита Синайского монастыря Кирилла, побывавшего в русской столице в 1687 г., многочисленными дарами, в том числе серебряной ракой для мощей св. Екатерины (доставленной на Синай в 1691 г.)¹¹. Во время приема 2 февраля 1687 г. «в особых хоромех» (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1687 г., д. 6, л. 37–38) у царевны Софьи Алексеевны – регентши при малолетних братьях–царях, – Кирилл прочитал обращенную к ней речь. Ее греческий текст был написан рукой бывшего охридского архиепископа, как свидетельствует сопоставление с автографом речи Мелетия, прочитанной им 8 августа 1686 г. перед царем Иваном Алексеевичем¹². Тем же почерком сделана и упоминавшаяся выше запись в *Синайском помяннике*. Бывший архиепископ явно был хорошо знаком с синайским архимандритом, так что свидетельство о сделанном Мелетием завещании синаитам совсем не удивительно.

Илл. 3. РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1686 г., д. 11, л. 98 (фрагмент)

Нежинские церкви и греческое братство

Гетман Иван Самойлович, благосклонно отнесшийся к Мелетию Охридскому, не только дал ему «для прокормления» и «на время» (как Мелетий объявил в Москве) деревню Комаровку, но и «привилеем» предоставил двор в самом Нежине. Более того, у «нареченного патриарха» появились средства для строительства церкви, которая, если верить Хаджикирьякису, была им «зачата». Деревянная нежинская церковь Святых Архангелов Михаила и Гавриила к 1680 г. уже существовала,

11 Игошев, 2010, 30–44; Игошев, 2015 (2), 106–113; Игошев, 2015 (1), 408–412; Чеснокова, 2017, 64–70. О синайском архимандрите Кирилле и его поездках в Москву см.: Чеснокова, 2013, 162–180.

12 РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1686 г., д. 11, л. 98–98 об. (см. также л. 99: перевод речи Мелетия Охридского); там же, 1687 г., д. 6, л. 44 (речь синайского архимандрита Кирилла).

а затем на ее месте в 1719–1729 г. был возведен сохранившийся донине каменный храм¹³. Эта церковь упомянута и в московских документах о пребывании Мелетия, который сам указал, что жил в городе «при церкви Святаго архистратига Михаила» (Там же, 1686 г., д. 11, л. 10). Но если этот храм уже существовал, то какую церковь «зачал» строить Мелетий?

Первым строителем греческих церквей в Нежине и основателем греческого братства, – того самого, которое, как Хаджикирьякис утверждал в Москве, «с прилежанием» приглашало его приехать в город, – считается священник Христофор Дмитриев (в документах он именуется также Христодулом). Христофор был уроженцем Англокастропа епархии Навпакта и Арты, возможно, ранее – иеродиаконом Великой церкви (Дмитриевский, 1885 (2), 78–79). Он приехал в Нежин в 1670–е гг. – немногим ранее Мелетия¹⁴. В 1680 г. Христофор получил от константинопольского патриарха Иакова грамоту на ставропигию, освобождающую нежинский храм Святых Архангелов («Чиноначальников» – Таксиархов) от какой-либо иной зависимости (т. е. она становилась подлежащей непосредственно патриарху) (Федотов–Чеховской, 1884, № 1–2, с. 1–8). В сентябре 1680 г. Христофор получил грамоты и от черниговского архиепископа Лазаря Барановича, утверждающие его священником греческой Архангельской церкви (Там же, № 3–4, с. 8–11).

О нежинских церквях в московском Малороссийском приказе была сделана выписка, в которой приведены сведения о полученных Христофором в Москве пожалованиях на церковное строительство. В ней сказано, что «греческий поп Христофор», выехавший в Нежин «от бусурманские великие тягости» в Нежине купил землю «на свои денги» и начал возводить деревянную церковь «во имя архистратига Михаила», а затем из-за умножения своей паствы, соорудил вторую деревянную церковь – «Собор архистратига Михаила» (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1693 г., д. 4, л. 327; Дополнения, 1872, т. 12, с. 374; Павленко, 2007, 488). Даже если в московской приказной документации произошла

13 Федотов–Чеховской, 1884, № 22, с. 95–96. См.: Сторожевский, 1885, 6–7; Харлампович, 2011, 242; Морозов, 2001, 124–125. О комплексе греческих церквей в Нежине см.: Зозуля, 2017, 84–104; Кедун, 2018, 14–32.

14 Именовани основателя Нежинского братства Христодулом встречается во владельческих записях целого ряда вложенных в Архангельскую церковь книг и в документах: Дмитриевский, 1885 (2), 50, 61–63, 69–70, 98–118; Чернухин, 1997, 91–102, 143–179. См. также: Дмитриевский, 1885 (1), 5–7, 10–11; Дмитриевский, 1885 (2), 3–4; Дмитриевский, 1886, 285; Эйнгорн, 1908, 34, 36; Харлампович, 1997, 410–414; *Λασκαρίδης*, 1997 (1), 410–414; *Λασκαρίδης*, 1997 (2), 4–10, 30; Чернухин, 1998, 24, 43–44, 54, 58; *Καρράς*, 2010, 270; Сагас, 2012, 146; Подгайко, 2014, 61; Морозов, 2017, 9–10 [8–16].

путаница, и единственную упоминающуюся в источниках Архангельскую церковь (церковь «Архангела Михаила», «Архангелов Михаила и Гавриила», «Святых Таксиархов», «Собора архангела Михаила») служащие приказа приняли за две разные, то вряд ли они ошиблись с началом строительства церкви Всех святых. К.В. Харлампович предполагал, что собранные Христофором значительные средства позволили ему уже в 1687 г. задумать строительство в Нежине новой каменной церкви, которая была заложена в 1690 г., а построена в 1696 г.¹⁵ Выписка, впрочем, свидетельствует, что строительство было начато еще раньше, в 1684–1685 г.:

И опасаяся он, поп, от огненного запаления, в прошлом во 193–м году зачал строить на той же купленной земле церковь каменную во имя Всех Святых, а под тою церковию погреб для поклажи от пожарного времени купецким людем товаров. И той де каменной церкви построил он половину, а другие половины за скудостию своею достроить нечем». Это подтвердили и жители Нежина: «Греческий де поп Христофор в Нежине две церкви деревянные строил и каменную церковь зачал, и что строит своими денгами, да на то ж строение давали и они, греки, и иные нежинские жители денег по силе малое число (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1693 г., д. 4, л. 328; Дополнения, 1872, 374; Павленко, 2007, 488).

Таким образом, если Хаджикирьякис говорил о «зачатом» строительстве новой церкви Мелетием, причем в собственной его усадьбе¹⁶, то в выписке Малороссийского приказа утверждается, будто Всехсвятскую церковь начал строить сам Христофор и нежинцы–братчики¹⁷.

Взаимоотношения греческого братства, возглавляемого отцом Христофором, с Мелетием Охридским, жившим в Нежине «при церкви», остаются не вполне ясными, а отсутствие каких-либо упоминаний о бывшем охридском архиепископе в документах, связанных с деятельностью братства и его активного основателя Христофора, кажется довольно странным: в них лишь говорится о получении «греческим попом» средств, его значительных долгах из-за церковного

15 Харлампович, 2011, 45; *Λασκαρίδης*, 1997 (2), 4. Церковь просуществовала до своего обрушения в 1758 г. На ее фундаменте в 1782 г. была построена ныне существующая Всехсвятская церковь: Дмитриевский, 1885 (1), 6–7; *Καρράς*, 2010, 271.

16 Возможно, информацию о строительстве церковей представителями греческого духовенства в конце XVII в. и о пребывании бывшего охридского архиепископа в Нежине можно будет в дальнейшем обнаружить при изучении документов, сохранившихся в санкт-петербургских собраниях. см.: *Λασκαρίδης*, 1997 (2), XXXVII; Чернухин, 1998, 83–84.

17 О значительном укреплении греческого братства в Нежине в 1680–е годы и позже см.: Харлампович, 2011, 46–56; *Λασκαρίδης*, 1997 (2), 5–6.

строительства и о неких ктиторах (Харлампович, 2011, 49–50). Однако не только Хаджикирьякис сообщал о том, что Мелетий заботился если не о строительстве, то, возможно, об украшении какой-то из нежинских церквей. В документах о пребывании бывшего архиепископа в Москве сообщается, что по его заказу на полученную царскую милостыню был изготовлен «осеняльной архиерейской свечник» в два фунта серебра. Из-за него у архиерея возник конфликт с задержавшим выполнение работы мастером Андреяном Евтихиевым. При этом у Мелетия уже был его собственный свечник, которым он, очевидно, и пользовался во время разрешенного ему служения по архиерейскому чину («да он же взял для образца старой мой осеняльной свечник доброго ж яфимочного сребра весом три фунта дватцеть золотников...») (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1686 г., д. 11, л. 117).

Не был ли этот заказанный Мелетием в Москве свечник дополнением к тому окладному Евангелию для церкви Св. Архангела Михаила, которое Христофор Дмитриев получил в Москве в 1686 г.? Вкладная надпись на книжном окладе, помимо имен царей Иоанна и Петра Алексеевичей, патриарха Иоакима и гетмана Ивана Самойловича, указывает дату 20 марта 1686 г. и имя священника: «...и сия Евангеліе строиль смиреніи попь Христофоръ в церкви Соборъ Архистратига Михаила в Нижъни» (Дмитриевский, 1885 (1), 8; он же, 1885 (2), 11). А.А. Дмитриевский сообщал о двух греческих окладных Евангелиях, хранившихся в Нежине еще в конце XIX в. Греческую надпись на серебряном окладе второй книги ему прочесть не удалось. Когда ученый готовил свое описание городских древностей, в нежинских храмах не было никаких предметов церковного обихода, которые можно было бы связать с именем Мелетия Охридского¹⁸. Однако стоит отметить, что в письме к Хаджикирьякису в 1689 г. сам бывший архиепископ писал о Евангелии, за которое он заплатил 5 талеров синайскому архимандриту Кириллу, и которое было послано в «Московию» для того, чтобы «учителя» (речь идет о братьях-диаскалах Иоанникии и Софронии Лихудах) оправили его серебром (Παπαστράτου, 1981, 43–44, 137). Хаджикирьякис заметил, что книгу было тяжело везти с собой, так что, видимо, из-за этого Кирилл и предпочел оставить ее в Нежине заплатившему ему Мелетию. В письме говорится о ее серебряном окладе, украшенном

18 Единственное упоминание некоего «Мелетия архиерея» в документах и книгах Нежинского братства было обнаружено А.А. Дмитриевским в архиерейском чиновнике, приобретенном священником Христофором для Архангельской церкви. Это имя упоминалось на листе с текстом «Достойно есть», но было зачеркнуто более поздней рукой, а на его место вписано имя Христодула. Неясно, Впрочем, относится ли это имя к бывшему охридскому архиепископу или к какому-то иному архиерею. См.: Дмитриевский, 1995 (2), с. 61–62, примеч. 3.

позолотой, драгоценными камнями и эмальями. Нельзя ли отождествить эту книгу с одним из Евангелий, хранившихся в греческом братстве еще в XIX в.?

Украшенный драгоценными камнями и эмальями оклад Евангелия, предназначавшегося для церкви Св. Михаила Архангела, в настоящее время находится в собрании Музея исторических драгоценностей Украины в Киеве¹⁹. Еще один сходный по стилю оклад с эмальями, также происходящий из Нежина, хранится в Национальном Киево–Печерском историко–культурном заповеднике. На нем, впрочем, нет греческой надписи, которую не удалось когда–то прочесть А.А. Дмитриевскому. Сами книги, которые эти оклады украшали, пока не обнаружены. Не исключено, таким образом, что оклад из музея Киево–Печерского заповедника принадлежал какому–то третьему Евангелию одной из нежинских церквей (Гумилевский, 1873, 384). Куда пропал оклад, имевший греческую надпись – не ясно²⁰. Возможно, эта книга изначально предназначалась для церкви Всех святых, которую тогда начали возводить то ли на дворе Мелетия, то ли на земле, приобретенной священником Христофором.

19 См. фотовоспроизведения: Харлампович, 2011, s. p.; Морозов, 2017, 23. Евангелие, оклад которого был изготовлен стараниями Христофора Дмитриева в 1686 г., имело по листам и вкладную запись на греческом языке, в которой А.А. Дмитриевский прочитал дату «2 апреля 1681 г.» и имя Георгия Димитриева Левантиса (Леванта): Дмитриевский, 1885 (2), 10–11. Этого грека, вероятно, следует отождествить с Георгием Димитриевым (Юрием Дмитриевым) Левентом (Мецовитом), хорошо известным по переговорам московского правительства с Константинопольским патриархатом о переподчинении Киевской митрополии в 1685–1686 г.: Ченцова, 2020, 107–111. Он также, предположительно, мог быть в родстве и с упомянутым выше Дмитрием Юрьевым, заимодавцем Мелетия.

20 Сердечно благодарю А.С. Морозова (Нежин) за уточнение известий об окладах нежинских литургических книг. Изучением сохранившихся окладов и поиском следов самих пропавших книг занимаются С.Г. Палатна и Н.А. Оноприенко (Киев). Надо отметить, впрочем, что позже в своей грамоте 1697 г. синаяский архиепископ Иоанникий упоминал о Евангелии, присланном из Москвы с синаяским архимандритом Кириллом Старым, прибывшим «з боготодарным жалованьем, с пятьюстами рублями и со святым священным Евангелием, юже, поклоншеся, восприяхом, яко велие сокровище и царский дар» (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1698 г., д. 13, л. 20, сравн. л. 37, 42, 47). В другом документе оно же описано следующим образом: «Евангелие присланное греческое устроено, оболочено в бархате красном с евангелисты серебряными чеканного мастерства» (Там же, л. 63). Примечательно, что С.Г. Палатной и Н.А. Оноприенко в инвентарной книге музея Киево–Печерской лавры 1930–х годов была обнаружена запись о хранившемся там греческом Евангелии из Нежина в окладе из серебра и малинового бархата с серебряными накладками. В настоящее время ни этот оклад, ни книга в окладе не обнаружены. Не могло ли это описание относиться к тому самому Евангелию, которое было вывезено лишь на нежинское синаяское подворье, а не на Синай? Или же «Мелетиево» окладное Евангелие, о котором шла переписка между Кириллом и бывшим охридским владыкой, все же каким–то образом позже оказалось переслано на Синай, и в музейной описи речь идет об иной нежинской книге?

Борьба за наследство архиепископа Мелетия

31 января 1695 г. Мелетий скончался (Архив, 1872, 412; Величко, 2020, 710–712). Его намерение завещать приобретенные владения и постройки синаитам, о котором сообщил в Москве Хаджикирьякис, очевидно, сразу стало известно в монастыре. Не только Хаджикирьякис, но и другие синаиты начали прилагать усилия для того, чтобы получить нежинское наследство архиепископа. В мае 1698 г. в Киев приехал синайский архимандрит Гавриил, который попросил отпустить его «в Нежин для долгов» и в Москву ради милостыни (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1698 г., д. 13, л. 1). О своем путешествии архимандрит рассказал следующее:

А отпущен де он (с) Синайские горы в прошлом в 205–м году [т. е. в 1697 г. – В. Ч.] в мае месяце, и шол де он морем на Венецию и на Цесарскую землю, и через Польшу, и приехал в Киев, и ис Киева де отпущен в Нежин для того, что де у них в Нежине двор свой, а с ним де, архимандритом, из монастыря чернец, а толмоча он нанял во Львове, и чтоб великий государь пожаловал, велел ево отпустить из Нежина к Москве (Там же, л. 2).

В челобитной царю Гавриил еще раз подтвердил, что «в Нежине Синайские горы двор, и у них живут на том дворе старцы для береженья» (Там же, л. 6). Несмотря на эти уверенные указания, будто в городе у синаитов есть подворье с насельниками, отправленный для выяснения этого некий поручик Карецкой сумел найти лишь двух греческих «старцев» – монахов, не имеющих отношения к Синайскому монастырю, которые, к тому же, жили не на каком–то собственном «дворе», а «в нижнем городе Нежине на постоянных дворах» (Там же, л. 8).

Нежинский воевода Н.И. Акинфов хотя и отправил в Москву челобитную синайского архимандрита Гавриила с просьбой о его пропуске до русской столицы и о милостыне, однако, в отношении греческого духовенства поступил в соответствии с царским указом:

А старцов, государь, которые ныне в Нежине живут, велел я, холоп твой, сыскать и допросить и выслать их из Нежина в Киев, чтоб они ехали по своим монастырям, и впредь кои старцы объявятца в Нежине, по твоему, великого государя, указу высылать их стану. А старцы, государь, приезжие ставятца в нижнем городе Нежине, и старшина нежинская, без ведома и не описався к полковнику нежинскому, выслать из города греческих старцев не смеют. А ис Царяграда греки и ныне в июне месяце с товаром в Нежин приехали и из Нежина в города по ярмоньком поехали (Там же, л. 4–5).

Но несмотря на необходимость преодолевать все эти административные препятствия синаиты явно считали нежинский двор Мелетия Охридского своим владением. Синайский архимандрит Гавриил с келарем Мельхиседеком²¹ и другими сопровождающими смогли даже добраться до Москвы благодаря проезжим грамотам запорожского гетмана Ивана Мазепы (Там же, л. 9–11 об.), а в Нежин, возможно, еще раньше приехал тот самый «черный священник Иоаким», о котором несколько раз сообщал и Хаджикирьякис (Папастрáтов, 1981, 59–66, 70; Карράς, 2010, 444). О его пребывании в городе в более позднее время свидетельствует несколько подлинников греческих документов, сохранившихся в едином свитке среди иных грамот бывшего архива московских патриархов. Этот свиток вместе с частью архива вошел в собрание Синодальной библиотеки и ныне находится в Отделе рукописей Государственного исторического музея в Москве. В патриарший архив документы попали, видимо, поскольку были связаны с получением синаитами милостыни, завещанной Синайскому монастырю последним московским патриархом Адрианом, скончавшимся в 1700 г.

Илл. 4. ГИМ. ОР. Син. грам. № 1563а (фрагмент).

Документы датированы 20 мая и 5 августа 1701 г., написаны и подписаны «наместником» Синайского монастыря Иоакимом, «имеющим

21 РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1698 г., л. 13, л. 1, 53, 66. Речь, видимо, идет о том же Мельхиседеке, который упоминается и в письмах Хаджикирьякиса: Папастрáтов, 1981, 22, 46, *σημ.* 24, 59–63, 66, 70; Карράς, 2010, 444.

попечение и пребывание в Малой России, в домах блаженной и вечной памяти отца нашего господина Мелетия, бывшего Охридского, в Нежине»²². Свидетельствованная грамота²³, выданная некоему греку Иоанну, сыну Леонтиоса Эгеллиса, в русских документах называемого Иваном Леонтьевым Гурлиангом²⁴, была предоставлена для поездки в Москву и получения завещанного вклада, а две грамоты адресованы Тихону, казначею и душеприказчику покойного московского патриарха. Одна, написанная 20 мая 1701 г., содержала просьбу о передаче милостыни греку Иоанну, а вторая, от 5 августа – с благодарностью за полученные 50 золотых «флоринов» (в русских текстах посланных в июле 1701 г. в Нежин и на Синай писем Тихона говорится о «червонных» или о «золотых») (ГИМ. Син. грам., № 1563 (свиток), л. 4–5).

Завещание владения бывшего охридского архиепископа синаитам было, судя по грамоте, адресованной патриаршему казначею,

-
- 22 ГИМ. ОР, 1563а, свиток; Владимир, 1894, № 555, 556, 557; Фонкич, Поляков, 1993, 165. Вместе со свитком хранится также текст перевода, сделанного московским типографским справщиком Федором Полицарповым в сентябре того же года: ГИМ. ОР, Син. грам., № 1563, л. 1–5. В тексте документа №1563а (Владимир, 1894, № 555) Иоаким назван «наместником и эпитропом» Синайского монастыря: «...ιερομόναχος, ναμψιτρονικός και ἐπιτροπος του ἁγίου καὶ θεοβαδίστου ὄρους Σηνά, καὶ ἐντῆ προστασία καὶ διαμόνηα τῆς Μηκράς Ροσίας ης τα σπήγηά του μακαρίτου πατρὸς ἡδὼν καὶ προεὶν Ουχρίδων ἀγιῆστου κυρίου Μελέτηου ἐν τῇ Νήϊνα... ἐγὼ, ο Εἰακείμ, ἡερομόναχος καὶ ναμψιτρονικός τοῦ Ἁγίου Ὄρους Σηνά» (сохраняется орфография рукописи). Так же он назван и в остальных письмах. На всех документах свитка имеются фрагменты оттисков печати на красном сургуче с изображением Неопалимой купины (диаметр ок. 20 мм). Прочитать удалось лишь часть круговой легенды печати: † ΙΩΑΚΙΜ [...].
- 23 ГИМ. ОР. Син. грам., № 1563а (свиток) / Владимир, 1894, № 555. Кроме Иоакима документ (на л. 1 об.) подписали несколько представителей греческого духовенства, в том числе архимандрит Симеон из янинского Успенского монастыря Патерон (см. о нем также: РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1701 г., д. 5). Примечательно, что тем же почерком, то есть, видимо, Иоакимом же написаны и присланные в Москву грамоты от двух эпирских монастырей, Никольского монастыря Феогефирон (РГАДА, ф. 52, оп. 2, № 696, от 9 мая 1696 г.) и Рождества Богоматери Дураханис (там же, № 706, от 1 сентября 1700 г.). Таким образом, появление на грамоте–доверенности подписи янинского архимандрита не было случайностью: по меньшей мере две присланные в Москву грамоты от представителей эпирского духовенства могли быть написаны в Нежине или же, во всяком случае, «нежинцем» Иоакимом. См. подробнее: Ченцова, 2013, 587–590; Tchentsova, 2015, 272–273. О неслучайном появлении имени янинского архимандрита на этом документе говорит и история «библиотеки иеромонаха Дионисия», выходящая из Янины, оставленной им в Нежине в конце 1680–х гг: Фонкич, 2003, 230–239.
- 24 См., например, перевод грамоты синайского архиепископа Иоанникия (март 1698 г.), утверждающей Иоакима наместником в Нежин и подтверждающей полномочия «Иоанна, Леонтиева сына, прозванием Гурлианга»: ГИМ. Син. грам., № 1563 (свиток), л. 1. Возможно, «Ивана Леонтиева сына» (там же, л. 2) следует отождествить с приехавшим в конце мая того же года в Москву Яном Горлянокой из Ясс: РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1701 г., д. 14, л. 1, 3; Подградская, 1980, 66, 70.

подтверждено «простагами» – универсалами запорожского гетмана и киевского митрополита: «И приях тот дом с повелением преосвященного митрополита и наяснейшаго господина гетмана» (*καὶ ἔλαβα με το προστάγμα του πανήρεδτατου μητρόπολήτου Κηέβου καὶ του ευσεβεστάτου αφθέντῶς καὶ χὰτμάνου*)²⁵. Но так ли оно было в действительности? В 1696 г. запорожский гетман Иван Мазепа выдал свой универсал «на строение порядку церковного, у храме святого архистратига Михаила», и на основание «крестоносного братства». Универсалом гетмана утверждалось, что «тая церковъ сполне з презвитером своим особливым правом до зверхности пастырской митрополитанского киевского престола належала», которому и должны давать «всякое послушенство»²⁶. Это распоряжение относительно двух храмов, Архангельского и Всех святых, утвердил киевский митрополит Варлаам Ясинский, благословивший «имети союз духовный братолюбный церковного братства с належитостию вечистою присудственнойю и послушательною ни до кого же инного, токмо до православного престола нашего митрополитанскаго Киевского Святософейского» (Федотов–Чеховской, 1884, № 9, с. 17–22).

Подлежание братской церкви и самого братства киевскому митрополиту было утверждено по просьбе самих братчиков, обратившихся к владыке Варлааму с просьбой об ограждении их от «иных архиереев», в том числе греческих и прочих «странствующих, приежающих в Нежин» (Харлампович, 2011, 50; *Καρράς*, 2010, 256–257). Причиной этого, с одной стороны, было начавшееся после 1686 г. переподчинение всех прежних ставропигий Константинопольского патриархата, находившихся в Киевской митрополии (а таковым было и греческое братство в Нежине), московскому патриарху. Нежинским грекам, впрочем, таким образом удалось перейти под омофор киевского митрополита, а не московского патриарха. С другой стороны, не исключено, что именно кончина бывшего охридского архиепископа в 1695 г. вынудила греков уже в следующем году обратиться к гетману и к митрополиту с просьбой о подтверждении их прав, а также собрать сборники документов об основании братства и его членах²⁷. Богатые греки–братчики

25 ГИМ. Син. грам., № 1563 (свиток), л. 3 – № 1563а (сохраняется орфография рукописи). О гетманских указах, закреплявших права греков–братчиков, см.: Гедьо, 2009, 59–65; она же, 2017, 62–74.

26 Федотов–Чеховской, 1884, № 17, с. 84–87; Харлампович, 2011, 51; *Καρράς*, 2010, 255, 271–272. О хранившейся в греческой нежинской церкви грамоте киевского митрополита Варлаама Ясинского 1696 г. см.: Дмитриевский, 1885 (1), 6; Харлампович, 2011, 44.

27 См., о документах братства, полученных в 1696 г. и составленных позже: Дмитриевский, 1885 (2), 98–160; Харлампович, 2011, 48; Морозов, 2009, 17. О рукописных сборниках документов см.: Фонкич, 2004, 630–635.

могли быть обеспокоены тем, что на построенные в Нежине храмы станут претендовать синайские монахи, в пользу которых была составлена духовная грамота Мелетия²⁸. Хотя Хаджикирьякис и утверждал в Москве, что братство само просило его о приезде и окончании строительства церкви, реальность, судя по всему, оказалась совсем иной.

Разъяснения относительно имущества Мелетия дает также письмо гетмана Ивана Мазепы царю Петру I, датированное 1 мая 1700 г. (Станіславський, 2010, 622–623). В нем сообщается о том, что гетман дал разрешение некоему «ахридонскому патриарху» собирать милостыню «на оплачение долгов на патриаршестве том ахридонском заведенных», поскольку его предшественник, «Мелетий, патриарх ахридонский, живучи в Нежине велми было обогатился, что по смерти его несколько тысяч рублей денег осталось». Пока не удалось выяснить, что за «ахридонский патриарх» пытался поселиться на украинских землях после Мелетиевой кончины. Примечательно, впрочем, что в письме гетмана речь идет о том, что ему пришлось возвратиться восвояси, поскольку он выяснил, что «тот двор, в котором покойный патриарх жил, отдан есть в монастырь иерусалимский, а маетность, которая по милости вашей монаршеской, царского пресветлого величества, а по моей гетманской и войсковой милости, была ему дана, из чего б возмог имети довольство, отдана преосвященному митрополиту киевскому» (Там же, с. 623). Это письмо подтверждает то, что часть полученных бывшим архиепископом владений была после его кончины передана киевской митрополичьей кафедре, и лишь сам «двор» вместе с имуществом, в том числе и значительными накопленными средствами, превратились в некое «подворье»²⁹. Но в иерусалимское или все же синайское?

Собственная версия истории с наследством обнаруживается в корреспонденции грека Хаджикирьякиса, также включившегося в борьбу за собственность бывшего архиепископа. Осенью 1698 г. (то есть как раз после поездки синайского архимандрита Гавриила в Киев, Нежин и Москву) в переписке между Хаджикирьякисом и синайским архиепископом Иоанникием упоминается нежинский «отец Иоаким» – очевидно, тот самый, который позже, будучи в Нежине или близ Нежина, занимался получением вклада от московского патриарха. Он, как ясно из писем, попытался продать нежинские «дома» (τὰ σπίτια), или по меньшей мере обсуждал эту возможность с синайскими церковными властями. Однако синайский архиепископ не считал целесообразным это

28 Об экономической активности братства (там же – библиография): Станіславський, 2014, 129–131.

29 О присутствии синайского монашества в Киеве и Нежине в более позднее время см.: Семесько–Бабару, 2015, 41–46.

делать³⁰. Поручику Карецкому не удалось найти «старцев» в Нежине, однако же, они там все-таки как-то очутились! Из писем следует, что помимо управления оставшейся после охридского архиепископа собственностью Иоаким занимался также распространением присылаемых ему Хаджикирьякисом гравюр с изображением Синайской горы, св. Екатерины, Неопалимой купины и прочих сюжетов³¹.

В 1708 г. Хаджикирьякис писал новому синайскому архиепископу Афанасию, что следует все-таки что-то предпринять в отношении нежинских «домов»: то ли продать их (за предложенные 450 талеров), то ли обменять, поскольку уже высказывались пожелания «забрать их для братства», и что у гетмана есть намерение сделать там «греческую школу» (*νά κάμει σχολεῖό ἐλληνικό*)³². Он считал также, что братство опасается, как бы синайские монахи не устроили там «как ранее» свою церковь (*φοβούνταν νά μήνπως καί κάμουν οἱ σιναιῖτες ἐκκλησία καθὼς ἦταν πρῶτα*) (Папастράτου, 1981, 102). По мнению Я. Карраса, речь в этом случае могла идти о существовавшем ранее метохе-подворье Синайского монастыря в Нежине (Карράς, 2010, 256). Однако кажется более вероятным, что речь идет все о тех же владениях бывшего охридского архиепископа и о той нежинской церкви, которую и Мелетий, и синаиты, видимо, могли как раз «ранее» считать своей.

30 Папастράτου, 1981, 61–62. Не исключено, что серьезные затруднения в получении доходов от «домов» в Нежине у синаитов появились позже, после перехода гетмана Ивана Мазепы на сторону шведского короля в войне с Московским государством. Первые известия о возникших проблемах с осуществлением обычных поездок между румынскими землями и «Казакией», связанных с переходом Мазепы на сторону шведов, появляются в одном из обращенных к синайскому архиепископу Афанасию писем из Рымника от 9 декабря 1708 г. В письме же самого Хаджикирьякиса от 2 февраля 1709 г. даже передавались известия о взятии Батурина московскими войсками: Папастράτου, 1981, 28, 114.

31 Папастράτου, 1981, 59, 62. Об участии Иоакима и архимандрита Кирилла в распространении гравюр после поездки в «Московию» по всей «Казакии»: Ibid., с. 66–67. Возможно, поручик не обнаружил в Нежине «старцев», поскольку те были в отъезде? По меньшей мере одно из писем Иоакима 1701 г. могло быть написано в Брянске: ГИМ. ОР. Син. грам., № 1563, л. 6. Не бывали ли синаиты на знаменитой Свенской ярмарке в этом городе, где могли продавать гравюры и собирать пожертвования на монастырь?

32 Папастράτου, 1981, 101–102; Карράς, 2010, 256. Об этой греческой школе и планах преподавания там упоминал в Москве иеромонах Серафим с Митилены: «Я обещался христианам чрез господина Згура, которые обретаются в Нежине, для школы, что им обещал гетман Мазепа» (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1705 г., л. 15, л. 6 об.). Згур Стилү (δ κύρ Ζγουρός), соратник гетмана Ивана Мазепы, с которым Хаджикирьякис поддерживал хорошие отношения, и который хорошо относился к синаитам, упомянут в письме 1708 г. О Серафиме см.: Pissis, 2020, 208–212. О Згуре см.: Λασκαρίδης, 1997 (2), 15, 18–19; Павленко, 2004, 144–145; Кочегаров, 2010, 152–192. Не удивительно, что письмо от Иоакима в Москву ГИМ. ОР. Син. грам., № 1563а на л. 1 об. подписал и Згур Стилү «из города Нежина».

Примечательно, что в какое-то время по соседству с нежинской греческой церковью (Хаджикирьякис не указывает ее названия) появляются и некие «дома» Иерусалимского патриархата³³. История с этими «домами» и переговорами, которые Хаджикирьякис вел в связи с наследством Мелетия, пытаясь заручиться поддержкой гетмана Ивана Мазепы³⁴, представляется довольно запутанной. Однако не удивительно, что после кончины архиепископа его прежний противник, иерусалимский патриарх Досифей, также начал претендовать на нежинскую церковь. В его челобитной московским царям Иоанну и Петру Алексевичам говорилось:

Тщанием де и иждивением их государским построена в Нежине церковь, в которой греки прибегают, и пение греческое совершаетца, а Гроб Господень повсюду православных имеет подворье и с церквами святыми, а при их де царском величестве ради помощи болшие Гробу Господню и в знак их государские милости и призрения к Святому Гробу и ко всему патриаршескому престолу подворья и с церквами нигде не дано; и великие государи пожаловали б его, всегдашнего богомолца своего, а наипаче Гроб Господень, указали б ради многолетнего общаго и государственного здравия оную нежинскую церковь отдать в подворие Иерусалимскому престолу и Гробу Господню ради прибежища сущих от Гроба Господня и ради болшого вспоможения церкви Иерусалимской и всем православным христианом не во образец³⁵.

Это обращение, как и просьба Досифея дать именно братству Святого Гроба и Иерусалимскому патриархату жалованную грамоту на подворье и церковь (причем другим «не в образец», т. е. без возможности получения подобных прав на подворья кем-либо иным) свидетельствуют о настойчивом желании патриарха не позволить синаитам заполучить нежинский храм. Видимо, патриарх полагал, что раз Синайское архиепископство зависит от иерусалимской кафедры, то и отписанное синаитам наследство должно отойти патриархату. Однако синаиты и позже продолжали считать двор Мелетия своим: бывшего охридского

33 *Παπαστράτου*, 1981, 102. См. также: Харлампович, 2021, с. 66, примеч. 3. Возможно, эти принадлежавшие Иерусалимскому патриархату «дома» были проданы лишь в 1777 г.: Nugmizaki, Iorga, 1917, vol. XIV (2), no1273, p. 1269–1270.

34 Переговоры шли все с тем же греком Згуром, которому было предложено приобрести (?) «дома» синаитов, но тот не захотел этого (?). См.: *Παπαστράτου*, 1981, 102.

35 РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1693 г., д. 4, л. 323–329; Дополнения, 1872, 374–375 (Павленко, 2007, 488–489). См. также свидетельство, обнаруженное Я. Каррасом, о нежинском «дворе синаитском... в ерусалимском»: *Καρράς*, 2010, σ. 256, σμ. 58, 443.

архиепископа вспоминал в Москве синайский архимандрит Авимелех, приехавший за милостыней в 1723 г. (Чеснокова, 2015, 37).

Помимо «основного наследства», завещанного синаитам, за которое развернулась борьба, в марте 1696 г. через митрополита Унгрволахийского Феодосия в константинопольскую патриаршую соборную церковь, храм Св. Георгия, были переданы полученные по духовной грамоте бывшего архиепископа Мелетия церковные облачения: епитрахиль, шитая по красному бархату, атласный саккос, резной крест в серебряной позолоченной оправе, а также иная литургическая утварь из серебра, в том числе трикирий и дикирий, дискос, рукомойник для омовения рук (Нугмузакі, 1915, vol. XIV (1), n° 366, p. 303–304). Упомянутые среди переданной в Константинополь утвари трикирий и дикирий, возможно, являются заказанным в Москве Мелетием «осеняльным архиерейским свечником» и его образцом. Бывшему архиепископу, по-видимому, удалось получить изделие и вернуть себе собственный «свечник», но в Нежине эти драгоценные вещи не остались.

Синаиты, их сторонники и противники

Свидетельства связей бывшего охридского архиепископа Мелетия с синаитами заставляют задуматься не только о его личном благочестивом почитании Синайской Святой горы, но и о том, какие группы духовенства были заинтересованы в присутствии «нареченного патриарха» на территории Киевской митрополии, оказавшейся надолго лишённой пастыря. Тесные связи Мелетия с синаитами заставляют несколько по-иному взглянуть на его патриархов – «рекомендателей», а также на причины, по которым бывший охридский архиепископ удостоился гневного упоминания в письме Досифея Иерусалимского. Как известно, относительно статуса Синайского архиепископства между вселенским патриархом Дионисием IV и иерусалимским патриархом произошел острый конфликт. Дионисий и великий логофет Великой церкви Иоанн Кариофиллис оказывали постоянную поддержку синаитам (Durã, 1977, 178–199; Χαλαστάνης, 2010, 160–189). Синайские архиепископы не желали признавать зависимость от Иерусалимского патриаршего престола, пытаясь заручиться поддержкой светских властей разных государств, в том числе и московских царей³⁶. В 1686 г. Дионисий IV утвердил автокефальный статус Синайского архиепископства, сделав его

36 Чеснокова, 2015, 29–34. Отметим также, что поддержку синаитам оказывали и представители султанской администрации, среди которых – великий драгоман Османской Порты Панайот Никусиос: Bayraktar Tellan, 2012, 201.

независимым от Иерусалимского патриархата. Однако долгое противостояние синаитов и Досифея Иерусалимского закончилось победой иерусалимского предстоятеля, и преемник Дионисия Иаков вынужден был аннулировать акт об автокефалии в феврале 1687 г. (Δελικάνης, 1904, т. 2, 399–410; Пападопуло-Керамевс, Латышев, 1909, ч. 2, 357–371; Αναστασίου, 1970, 105–107).

По-видимому, свои попытки урегулировать отношения с синаитами (и, не исключено, за счет иерусалимской кафедры) делал также александрийский патриарх Парфений. Не случайно сохранились известия о его трениях с Досифеем Иерусалимским (Dugà, 1977, 194; Χαλαστάνης, 2010, 223–224). Примечательно, что именно эти два патриарха, Дионисий и Парфений, а также близкий Дионисию Иаков высказали в своих грамотах поддержку и бывшему архиепископу Мелетию. Передать же грамоты патриарха Дионисия, позволяющие Мелетию сохранить архиерейский титул, должен был все тот же влиятельный сторонник синаитов и противник патриарха Досифея Иерусалимского, великий логофет Иоанн Кариофиллис. Патриарх Дионисий писал бывшему архиепископу в своем письме: «Сего ради, не презря моление твое, се посылаем блаженству твоему, и восприяти будещи из рук *премудрейшаго великого логофета*» (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1686 г., д. 11, л. 70). Великим логофетом Великой церкви и был тогда Иоанн Кариофиллис (Бернацкий, 2013, 116; Χαλαστάνης, 2010, 107).

С охридской архиепископской кафедрой синаитов, по-видимому, связывала и взаимная поддержка в стремлении отстаивать свою самостоятельность внутри Восточной церкви. Так, не случайно в 1694 г. синайский архиепископ Иоанникий, продолжавший борьбу за автокефалию Синая, якобы, попытался послать некоего иеромонаха в Охрид на поиски хрисовула императора Юстиниана, подтверждающего независимость его кафедры (Пападопуло-Керамевс, Латышев, 1908, ч. 1, с. XVIII). Видимо, легенда о полученной от этого правителя автокефалии и возможных поисках ее документальных подтверждений в Охриде опиралась на иную легенду – о тождестве византийского города Юстиниана Прима с Охридом и о привилегиях, полученных охридскими владыками от самого Юстиниана (Prinzing, 2021, 167–168).

В 1675 г. киевская кафедра оказалась вакантной после кончины митрополита Иосифа Нелюбовича-Тукальского, последнего киевского владыки, получившего благословение от константинопольского патриарха, в юрисдикции которого находился Киев. Весной 1676 г. на краковском сейме было принято решение о запрете православным каких-либо контактов с константинопольским патриаршим престолом без специального разрешения под страхом суровых наказаний (Volumina legum, 1860, 180). Православные Киевской митрополии, разделенной

политической границей между Речью Посполитой и землями, находящимися под контролем запорожского гетмана, оказались, таким образом, без законного пастыря. И уже в 1679–1680 г. Мелетий, нареченный патриарх Ахридский, начинает подготовку к поездке во владения гетмана Самойловича, получив от сочувствующего синаитам константинопольского патриарха грамоты, подтверждающие его архиерейское достоинство. Гетман Самойлович, вероятно, не случайно благосклонно отнесся к бывшему архиепископу: присутствие «патриарха» позволяло продолжать рукоположения духовенства и урегулировать окормление православной паствы на подконтрольных ему землях даже в отсутствие поставленного на кафедру владыки. Примечательно, что в период вакантности митрополичьей кафедры Киева и ее местоблюститель архиепископ Лазарь Баранович, и сам гетман охотно принимают и позволяют подолгу жить на украинских землях многим православным иерархам. Так, в 1680–е годы не только в Нежине, но и в Батурине, Чернигове и других городах жили сербский белгородский (белградский) митрополит Елефтерий, призренский митрополит Никодим, лакедемонский митрополит Иоасаф (Гейда, 2019, 192–193; Ченцова, 2020, 208–210), митрополит Филипп и Драмы Софроний (Харлампович, 2011, 44, 46, 235, 260; Кистерев, 2012, 56), владыка Пахомий Почека, «митрополит Градчанский и Косовский» (т. е. Грачаницы и Косово), скончавшийся в черниговском Елецком монастыре³⁷. Присутствие архиереев и даже «патриарха» помогало преодолеть проблемы, связанные с долгой вакантностью киевской митрополии.

Борьба Досифея Иерусалимского с попытками синаитов утвердиться в качестве автокефального архиепископства, уподобившись Охридскому, привела не только к отмене акта патриарха Дионисия об автокефалии Синая, но и к целому ряду соборных решений об осуждении синайского архиепископа Анании, боровшегося за самостоятельность епархии, а также к принятию постановления об упразднении всех «патриархатов» помимо существующих четырех – Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского, – и «нового», Московского³⁸. В окружном соборном письме вселенского патриарха Каллиника II апреля 1693 г. осуждалась практика незаконных

37 РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1688 г., д. 16, л. 225, 234; Гейда, 2019, 190. Представления О.С. Гейды о существовании «Батуринской епархии» и отождествление изображения св. Мелетия Антиохийского с портретом–гравюрой Мелетия Охридского (с. 191–193) являются фантастическими.

38 Текст этого послания попал и в Москву. В настоящее время один из подлинников списка соборного решения с подписями архиереев хранится в собрании: ОР ГИМ. Син. грам. № 1470 (Владимир, 1894, № 550/1). Изд. греч. текста: *Δελικάνης*, 1905, т. 3, 795–797. Русск. перевод: РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1693 г., д. 4, л. 261–264. См. также: Величко, 2020, 675–676.

присвоенный патриаршего титула, причина же принятия этого решения иерусалимским патриархом Хрисанфом позже связывалась именно с претензиями бывшего охридского архиепископа Мелетия, называвшего себя так «в Малой России и Казакии»³⁹. Деятельность Мелетия вызвала конфликты в церковном кругу, и не случайно знаменитая казацкая *Летопись* Самойло Величко, современника «нареченного патриарха», подробно сообщает и о его конфликте с Досифеем Иерусалимским, и о принятых решениях Каллиника II, запрещающих называться патриархами «странним архиепископам», одним из которых был «Мелетий Ахридонский, иже в Нежине бысть и умре, о котором в прошлом року положенна грамота патриархи Константинопольского», и о недовольстве деятельностью архиепископа со стороны московского патриарха Адриана⁴⁰.

Адриан, ссылаясь на присланное постановление 1693 г.⁴¹, потребовал выяснить, действительно ли Мелетий именуется патриархом и продолжает рукоположения местного духовенства в Киевской епархии. Кончина Мелетия избавила его от новых обвинений в том, что он «изгнан» от престола («знатно, не за добро, яко тамо живут люди православние») и не имеет права считаться архиереем (Архив, 407, 410; Величко, 2020, 726). В грамотах к киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому и к гетману Ивану Мазепе в декабре 1694 г. московский патриарх высказывал свое недовольство деятельностью Мелетия. В посланиях говорится о некоем «града Нежина попе Феодоре» («Феодор Феодоров, сын троицкого попа, что в Нежине на посаде»), который на вопрос о том, кем он был рукоположен в священники, отвечал, что «посвятил его патриарх Мелетий Ахридонский, и живет де он в Нежине и патриаршескую честь носит якобы во власти своей» (Архив, 407–408, 410; Величко, 2020, 709, 725–726). Адриан, возмущенный, что «сей Мелетий Ахридонский патриархом зовется», в соответствии

39 Δελικάνης, 1905, т. 3, 797; Angelopoulos, 1983, 393. Надо отметить, что постановление о запрете именоваться патриархами вызвало явное недовольство и сопротивление в Охридском архиепископстве, где демонстративно начали обозначать свою кафедру «превысоким патриаршим престолом Первой Юстинианы Ахридской»: Δελικάνης, 1905, т. 3, 804–805.

40 Величко, 2020, 708.

41 О содержании синодальной грамоты Каллиника II и письма Досифея Иерусалимского был прежде всего извещен московский патриарх, а затем – гетман Иван Мазепа и киевский митрополит Варлаам Ясинский. «Некоторым архиепископам», которые «приезжая к Москве и в Украину» осмеливаются именоваться «патриархами», в соответствии с полученными распоряжениями, следовало это запретить, поскольку это «противно правилам и Святой церкви». Прежде всего следовало запретить это «ахридонскому архиепископу Мелетию», который «писался и назывался нареченным патриархом и ныне живет в Нежине, а пишется тем же имянованием». См.: РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1693 г., л. 4, л. 334, 389–392, 410–412.

с полученной грамотой считал необходимым, чтобы «скитающиеся безместнии архиереи» не оставались жить в городах (Архив, 407, 410). Мелетию же и сербскому (печскому) патриарху Арсению Черноевичу (1674–1690, †1706) впредь должно быть строго запрещено именоваться патриархами. В грамоте Варлааму Ясинскому Адриан прямо требовал: «Ахридонскому бывшему архиепископу, нине безглавно и самомненно именуемому патриарху в гордости, по всякому образу служити в твоей епархии не вели, и где он будет в церкви, чтоб священники отнюдь во церковном служении и пении не поминали его именно, и патриархом он весма да не именуется»⁴². Если же Мелетий захочет служить – пусть отправляется «к патриарху вселенскому».

В ответе патриарху Адриану (7 февраля 1695 г.) митрополит Варлаам Ясинский указал, что в Киевской митрополии и, в частности, у престарелого черниговского архиепископа Лазаря Барановича была нужда в помощниках, а потому он «удерживал молитвенно у себе некия греческия архиереи в помочь себе». Из-за своей болезни владыка Лазарь «на поставление презвитерское или дияконское посылалше иногда в Нежин к архидостойному святителю Мелетию» (Архив, 412; Величко, 2020, 711). Про самого же Мелетия Варлаам сообщал следующие известия:

А жил он в Нежине близ двадесяти лет по милости гетманской, имея от него препитание. Патриаршею же титулоу нарицаемый бе, якоже мню, потому, понеже и в Печерской лавре есть древнейшая икона некоего ахридонского святителя Симеона, иже странствуя, в Киеве преставился и почивает в гробнице Печерския великия церкви. На иконе же его есть надписание сицевое: «Симеон, милостию божиею архиепископ Первий кесара Юстинияна, земли Македонския и Ахридонския, и Албанския, Болгарския, Сербския, Гарватския и Басницкия, Мултановоловския и Угорския патриарх, и всея Аламани, ексарх великого фрону апостолскаго Константинопольского и всея вселенния, року божого 1636 (Архив, 412–413; Величко, 2020, 711–712).

42 Архив, 408, 410; Величко, 2020, 726. Примечательно, что в грамоте патриарха Адриана говорилось о том, что «странные» архиереи вынуждают рукоположенных ими помянуть их во время церковной службы: «...И потом велят имена своя помянати в чужих епархиях» (Архив, 407–408, 410; Величко, 2020, 709). Речь идет, разумеется, не об изменении юрисдикции епархий (в данном случае речь идет не вообще о «странных» – странствующих архиереях, а конкретно о тех из них, которые «Малой России прииджия от коих любу стран архиереи»). Поминовение рукоположившего или благословившего на кафедру архиерея – обычная практика, соответствующая церковным канонам, поэтому и те архиереи, которые оказывались в «Малой России» в случае, если у них имелись грамоты, позволяющие служить по архиерейскому чину, то есть и рукополагать или переводить на церковные кафедры, могли оказаться в ситуации, когда они «и величаются в церквах, и потом велят имена своя помянати в чужих епархиях».

Дата, якобы имевшаяся на иконе, явно была неверно понята или изменена, и речь, очевидно, идет не о «кесаре Юстиниане», а о неверно понятом легендарном обозначении Охрида «Юстиниана прима».

Столь детальное описание позволяет предполагать, что киевский митрополит в самом деле знал о существовании в Киево–Печерской лавре какого–то захоронения и изображения охридского архиепископа. Если считать, что Варлаам верно указал его имя, то этим владыкой мог быть Симеон, несколько месяцев занимавший свою кафедру в 1550 г. (Рёсчауге, 1936, 192). Ему мог принадлежать пышный титул, включающий целый ряд земель, на которые охридские владыки начали претендовать в конце XV и в XVI в. (*Ἀλεξούδης*, 1892 [1893], 549). Впрочем, о каких–либо его связях с Киевом или о легендарной гробнице «патриарха» в лавре ничего не известно. Вероятнее, однако, иное предположение: в августе 1634 г. в Архангельск, а позже – в Москву приехал охридский архиепископ Авраамий. Этот владыка сообщал, что «Серпские земли и Арвания и Болгарская и Македония все то... одна земля», сам же он «был в Серпской земли в Ахридоне городе патриархом» (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1634 г., д. 8, л. 13; Каптерев, 2008, 560). Авраамий, проехавший ранее по всей Европе (от Венеции до Англии), а позже обвиненный в сослужении с папой в Риме, выехал из Москвы в апреле 1635 г. через Путивль (РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1634 г., д. 8, л. 47–48; Каптерев, 2008, 560–562). Не мог ли владыка Варлаам перепутать имя охридского архиепископа, который, проезжая из Москвы через Киев, скончался в лавре? На стене в церкви после погребения мог сохраняться и помещавшийся по традиции на гроб «натрунный» (гробовой) портрет покойного, который здесь назван «иконой». В любом случае ответ митрополита о древности признаваемого за охридскими архиепископами патриаршего титула и почитавшемся в Киеве уже после решения 1693 г. некоем патриархе представляется несколько фрондерским.

Защита «архидостойного святителя» Мелетия со стороны киевского митрополита не удивляет: не только Лазарь Баранович, но и сам Варлаам Ясинский поддерживал с ним контакты. Так, Варлаам получил от Мелетия присланный ему «особный каталог» имен константинопольских патриархов, составленный «от греческих летописов»⁴³. Он же утверждал, что Мелетий не подписывается как «патриарх», но и в подписи, и на печати имел архиепископский титул несмотря на то, что «наипаче народ обикш патриархом его нарицаше, и то понеже не бе от зверхнейшаго патриарха некоего же возбранения» (Архив, 1872, 413–414; Величко, 2020, 712). В письме царям ему также пришлось

43 Національна бібліотека України ім. В.І. Вернадського, Інститут рукопису, ф. VIII, д. 42 т. 47, л. 1. Сердечно благодарю В.А. Ткачука (Київ) за указание этого документа.

объяснить значение патриаршего титула у бывшего архиепископа, долго жившего в Киевской епархии:

О нем же писано именно Ахридонский Мелетий, иже в своей стране престол оставил, живяше zde в малороссийском вашего царского пресветлого величества городу Нежине, и нарицание имел не только архиепископа самовластного большого, имевшего прежде под властью своею и архиереев неколико, но и патриархом не равним пяти самых болших, но меншим, аки бы наместним, належащим до вселенского константинопольского патриарха (Величко, 2020, 710).

Утверждения владыки Варлаама, впрочем, не совсем отвечают действительности. Об этом свидетельствует известия об имевшейся у Мелетия печати, которую он ставил на свои письма. Падение гетмана Самойловича, арестованного и сосланного московскими властями в 1687 г., не заставило бывшего архиепископа отказаться от дальнейших тесных связей с семьей своего многолетнего покровителя. Известны два его письма, написанные 10 июня и 3 ноября 1691 г. к Марии Федоровне Сулиме, вдове сына гетмана Самойловича Семена, которую он называет своей «благодетелкой» (Бережков, 1911, 118–120). Письма были известны их издателю М.Н. Бережкову в подлиннике, на котором помимо подписи, написанной зелеными чернилами, имелись и оттиски печати на красном сургуче с легендой: «Мелетий, божьей милостью архиепископ и патриарх Охридский» (ΜΕΛΕΤΙΟΣ ΕΛΕΩ ΘΕΟΥ ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΣ ΚΑΙ Π(ατ)ΡΙΑΡΧΗΣ ΑΧΡΙΔΩΝ)⁴⁴. Так что Мелетий все же недвусмысленно заявлял о себе как имеющем патриарший титул.

Некогда К.В. Харлампович отметил, что жившие в Нежине греческие архиереи, в том числе и Мелетий Охридский, были в «хороших отношениях» с греческим братством (Харлампович, 2011, с. 46–47, примеч. 5). Но судя по сохранившимся документам, сосуществование «патриарха» Мелетия, вызвавшего враждебность со стороны иерусалимского патриарха, но зато столь близкого синаитам, с греческим братством в Нежине могло быть совсем не таким простым. Изучение документов,

⁴⁴ Бережков, 1911, 120. Подпись зелеными чернилами традиционно использовалась в Печском и Охридском «патриархатах», чтобы подчеркнуть высокий статус занимавших кафедры церковных иерархов: Legrand, 1891, 183; Tchentsova, 2012, 88.

относящихся к постройке греческих церквей в городе и к получению братством гетманских универсалов, обнаруживает странный пробел: столь влиятельный греческий архиерей и долголетний житель Нежина, каким был бывший охридский архиепископ, никак не обнаруживается в документах, связанных с братством. Самые важные тексты, касающиеся его основания, никак не зафиксировали присутствие Мелетия в городе⁴⁵. Не с соперничеством ли за нежинскую собственность и церкви связано умолчание документов братства о долгом присутствии в Нежине «патриарха»? За наследство самого Мелетия и за получение в подворье нежинского храма боролись и синаиты, и неизвестный охридский архиепископ, и иерусалимский патриарх, и, разумеется, греческое братство. Сохранившиеся документы позволяют предположить существование долгого конфликта между синаитами и нежинскими греками–братчиками, которые опирались на поддержку местных архиереев и светских властей.

Сам факт пожалований Мелетию от гетмана Самойловича и, в конечном счете, приобретение им значительного состояния позволяет предполагать, что на этого архиерея возлагались определенные надежды в тот период, когда Киевская митрополия была лишена предстоятеля. Но после 1686 г., когда киевских митрополитов начали ставить на кафедру московские патриархи, Мелетий Охридский явно перестает пользоваться фавором. Еще при Самойловиче он приехал в Москву в надежде на царские пожалования. Не исключено, что после ареста гетмана московскими властями беспокойство о полученных им от Самойловича владениях заставило бывшего архиепископа в конце 1687 г. поторопиться с выездом назад, в Нежин, где он и провел свои последние годы.

MANUSCRIPTS

Gosudarstvennyj istoricheskij muzej – Государственный исторический музей. Отдел рукописей, № 1563–1563а, 1470.

Nacional'na biblioteka Ukrajinu im. VI. Vernads'koho – Национальна бібліотека України ім. В.І. Вернадського, Інститут рукопису, ф. VIII, д. 42, т. 47.

Paris. Bibliothèque National de France, gr. 431.

⁴⁵ Примечательно, что самих подлинников документов, относящихся к более раннему времени нежели 1696 г., не сохранилось, издание текстов предпринималось, судя по всему, по спискам, а сами братчики еще в XIX в. очень неохотно позволяли исследователям работать в своем архиве: Дмитриевский, 1886, 287–293; Эйнгорн, 1908, 25–26. Х. Ласкаридис высказывал и предположение о частичной подделке документов и истории возникновения братства в середине 1690–х годов: *Ласкаридіс*, 1997 (2), 16–17, 27, 30.

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 52, оп. 1, 1634 г., д. 8; 1686 г., д. 11; 1687 г., д. 6; 1688 г., д. 16; 1693 г., д. 4; 1697 г., д. 11; 1698 г., д. 13; 1701 г., д. 5; 1705 г., д. 15; оп. 2, № 696, 706.

Literature

- Alexoudis, A. – Αλεξούδης, Άν. (1892 [1893]). Συνοδικαὶ πράξεις τῆς Ἀρχιεπισκοπῆς Ἀχριδῶν καὶ πάσης Βουλγαρίας, *Δελτίον τῆς Ἱστορικῆς καὶ Ἐθνολογικῆς Ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος*, 4, 547–573.
- Altbauer M. (with the collaboration of I. Ševčenko and B. Struminsky) (1989). Saint Catherine's Monastery, Mount Sinai. An Orthodox Pomjanyk of the Seventeenth–Eighteenth Centuries. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Altbauer, M. (1992). *An East Slavic Sinodik from the Sinai*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Anastasiou, I.E. – Ἀναστασίου, Ι.Ε. (1970). *Συναϊτικά τοῦ ΙΣτ' καὶ ΙΖ' αἰώνα. Θεσσαλονίκη: Ἀριστοτέλειον Πανεπιστήμιον Θεσσαλονίκης*.
- Angelopoulos, A. (1983). The Archdioceses of Ahris and Peć on the basis of patriarchal acts edited by K. Delikanis (17th/18th centuries). *Balkan Studies*, nr 24 (2), 338–339, 342.
- Apostolopoulos, D.G., Mikhailaris P.D. – Ἀποστολόπουλος, Δ.Γ., Μιχαηλάρης, Π.Δ. (1987). *Ἡ Νομικὴ Συναγωγὴ τοῦ Δοσιθέου. Μία πηγὴ καὶ ἓνα τεκμήριο*. Ἀθήναι: KNE/EIE, τ. 1.
- Arkhiv Jugo-Zapadnoj Rossii, ch. 1, t. 5: Архив Юго-Западной России, ч. 1, т. 5: Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату (1620–1694 гг.)*. (1872). Киев: Губерн. тип.
- Arnauld, A. & Nicole, P. (1674). *La Perpetuité de la foy de l'Église catholique touchant l'Eucharistie, défendue contre les Livres du Sieur Claude, Ministre de Charenton*. Paris: Guillaume Desprez, t. 3.
- Bayraktar Tellan, E. (2012) The Orthodox Church of Crete, 1645–1735: A Case Study of the Relation between Sultanatic Power and Patriarchal Will, *Byzantine and Modern Greek Studies*, 36(2), 198–214. DOI: <https://doi.org/10.1179/0307013112Z.00000000012>.
- Bernackij, M.M. – Бернацкий, М.М. (2013). Кариофил Иоанн. In: *Православная энциклопедия*. Москва: ПЭ, т. 31, 115–117.
- Berežkov, M.N. – Бережков, М.Н. (1911). Два письма Мелетия, бывшего архиепископа Ахридонского, от 1691 года, из Нежина, *Труды черниговской архивной комиссии*, VIII, 118–120.
- Carras, I. (2012). Community for Commerce: An Introduction to the Nezhin Greek Brotherhood Focusing on its Establishment as a Formal Institution in the Years between 1692 and 1710. In: V.N. Zakharov, G. Harlaftis, & O. Katsiardi-Hering (ed.), *Merchant Colonies in the*

- Early Modern Period*. London: Routledge, 141–156. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315654928>.
- Carras, I. – Καρράς, Γιάν. (2010). *Εμπόριο, Πολιτική και Αδελφότητα: Ρωμοί στη Ρωσία 1700–1774*, Διδ. Διατριβή, Αθήνα: Εθνικό Πανεπιστήμιο Αθηνών.
- Čencova, V.G. – Ченцова, В.Г. (2013). Палеография versus текст: о сложностях определения места написания греческих грамот XVII–XVIII вв. In: *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV Международной научной конференции*. Москва: РГГУ, ч. 2, 587–590.
- Čencova, V.G. – Ченцова, В.Г. (2020). *Киевская митрополия между Константинополем и Москвой. 1686*. Київ: Дух і Літера.
- Česnokova, N.P. – Чеснокова, Н.П. (2013). Синайский архимандрит Кирилл (Старый) и его знакомые в Москве. *Каптеревские чтения*, вып. 11, 162–180.
- Česnokova, N.P. – Чеснокова, Н.П. (2015). История российско-синайских культурных и конфессиональных отношений по письменным источникам. In: Н.И. Комашко, И.А. Бусева-Давыдова (ed.), *Русские иконы Синая*. Москва: Изд-во МП РПЦ, 23–38.
- Česnokova, N.P. – Чеснокова, Н.П. (2017). К истории русских художественных памятников на Синае: рака для мощей св. Екатерины XVII в. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, № 4 (70), 64–70.
- Černukhin, E.K. – Чернухін, Є.К. (1998). *Грецьке ніжинське братство: історіографія та джерела*. Київ: Ін-т історії України НАНУ.
- Černukhin, E.K. – Чернухін, Є.К. (1997). Книга пожертв Ніжинського грецького братства (1696–1786). *Записки Історико-філологічного товариства Андрія Білецького*, № 1, 91–102, 143–179.
- Delikanis, K. – Δελικάνης, Καλλίνκος (1904–1905). *Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ Πατριαρχικοῦ ἀρχιεποφυλακίου σωζόμενα ἐπίσημα ἐκκλησιαστικά ἔγγραφα*. Ἐν Κωνσταντινουπόλει: Πατριαρχικὸν Τυπογραφεῖον, τ. 2–3.
- Dmitrievskij, A.A. – Дмитриевский, А.А. (1885). (1). Греческие нежинские храмы и их капитальный вклад в Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии. In: *Православное обозрение*, Москва: Унив. тип., отд. оттиск, 1–31.
- Dmitrievskij, A.A. – Дмитриевский, А.А. (1885). (2). Описание рукописей и книг, поступивших в Церковно-археологический музей при Киевской духовной Академии из греческой нежинской Михаило-Архангельской церкви. In: *Труды Киевской духовной академии*. Прил., № 3–12, 1–160.
- Dmitrievskij, A.A. – Дмитриевский, А.А. (1886). Библиографическая заметка: Акты греческого нежинского братства, списанные и изданные профессором А.А. Федотовым-Чеховским, Киев, 1884. *Труды Киевской духовной академии*, т. 10, 284–293.
- Dopolnenija k aktam istoričeskim, sobrannye i izdannye Arkheografičeskoj kommissiej – *Дополнения к актам историческим, собранные и изданные*

- Археογραφической комиссией* (1872). Санкт-Петербург: В.В. Пратц, т. 12.
- Durā, I.V. (1977). *Ο Δοσίθεος Ιεροσολύμων καὶ ἡ προσφορά αὐτοῦ εἰς τὰς Ρομαϊκὰς χώρας καὶ τὴν ἐκκλησίαν αὐτῶν*, Ἀθήναι: s. p.
- Fedotov-Čekhovskoj, A.A. – Федотов-Чеховской, А.А. (1884). *Акты Греческаго Нежинскаго братства*. Киев: Е.Т. Керер.
- Fonkič, V.L. – Фонкич, Б.Л. (2003). *Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в.* Москва: Индрик.
- Fonkič, V.L. – Фонкич, Б.Л. (2004). Устав Нежинского братства, *Россия и Христианский Восток*. Москва: Индрик, вып. 2–3, 630–635.
- Fonkič, V.L. & Poljakov, F.V. – Фонкич, Б.Л., Поляков, Ф.Б. (1993). *Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова)*. Москва: Син. библ-ка.
- Gelzer, H. (1902). *Der Patriarchat von Achrida. Geschichte und Urkunden*. Leipzig: Teubner, O.S.
- Gumilevskij, F. – Гумилевский, Ф. (1873). *Историко-статистическое описание Черниговской епархии*, кн. 7: *Стародубский, Мглинский, Новозыбковский, Глуховский и Нежинский уезды*. Чернигов: тип. Г.А. Шапиры.
- Heđ'o, A.V. – Ге́дьо, А.В. (2009). Гетьманські універсали І. Мазепи грекам м. Ніжина: джерелознавчий аналіз. *Сіверянський літопис*, № 6, 59–65.
- Heđ'o, A.V. – Ге́дьо, А.В. (2017). Соціально-правовий статус Ніжинської грецької громади в контексті універсалів українських гетьманів: джерелознавчий аспект. In: О.С. Морозов & Л.О. Зайко (ed.), *Грецька громада Ніжина: історія та сучасність*. Ніжин: Лисенко М.М., 62–74.
- Heuda, O.S. – Гейда, О.С. (2019). Церковна політика гетьмана Івана Мазепи, *Сіверянський літопис* 2, 188–195. DOI: 10.5281/zenodo.3253792.
- Heuda, O.S. – Гейда, О.С. (2019). Церковна політика гетьмана Івана Мазепи, *Сіверянський літопис* 2, 188–195. DOI: 10.5281/zenodo.3253792.
- Hurmuzaki, E., Iorga N. (publ.) (1915, 1917, 1936). Documente privitoare la Istoria Românilor, vol. XIV (1–3): Documente Grecești. București: Libr. Soces Co, C. Sfetea, Pavel Suru.
- Igošev, V.V. – Игошев, В.В. (2010). Серебряная рака для мощей святой Екатерины из Синайского монастыря работы московских мастеров 1687–1688 гг., *Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства*, № 1 (1), 30–44.
- Igošev, V.V. – Игошев, В.В. (2015). (1). Рака для мощей великомученицы Екатерины. In: Н.И. Комашко, И.Л. Бусева-Давыдова (ed.), *Русские иконы Синая*. Москва: Изд-во МП РПЦ, 408–413.
- Igošev, V.V. – Игошев, В.В. (2015). (2). Серебряная рака XVII века для мощей великомученицы Екатерины. In: Н.И. Комашко & И.Л. Бусева-Давыдова (ed.), *Русские иконы Синая*. Москва: Изд-во МП РПЦ, 106–113.

- Jejngorn, V.O. – Эйнгорн, В.О. (1908). Новый труд по внутренней истории старой Малороссии. *Чтения в императорском обществе истории и древностей российских*, кн. 1 (224), 21–76.
- Karterev, N.F. – Каптерев, Н.Ф. (2008). *Собрание сочинений*. Москва: Дарь, т. 2.
- Kedun, I.S. – Кедун, І.С. (2018). Підземні споруди ніжинського «грецького кварталу» на сучасному етапі дослідження. In: *Література та культура Полісся*, № 90, серія «Історичні науки», № 9, 14–32.
- Khalastanis, V.G. – Χαλαστάνης, Β.Γ. (2010). *Ιωάννης Καρνοφύλλης (σι 1610–1692). Βίος και συγγραφικό έργο*. Διατριβή επί διδακτορία, Αθήνα: ΕΚΠΑ.
- Kharlamovuč, K.V. – Харлампович, К.В. (2011). *Нариси з історії грецької колонії в Ніжині (XVII–XVIII ст.). До історії національних меншостей в Україні*. Ніжин: Ферокол.
- Kisterev, S.N. – Кистерев, С.Н. (2012). Греки и немцы в изображении Юрия Крижанича, *Каптеревские чтения*. Москва: ИВИ РАН, вып. 10, 51–88.
- Kočevarov, K.A. – Кочегаров, К.А. (2010). Роль Ивана Мазепы в русско-турецких отношениях первой половины 1708 г.: поездка Згуры Стилевича к сараскеру Юсуфу-паше. In: *Україна в Центральнo-Східній Європі*. Київ: Інститут історії України НАНУ, вип. 9–10, 152–192.
- Konidaris, S.I. – Κονιδάρης, Γ.Ι. (1963). *Άχρίδος, Πατριαρχείον και άρχιεπισκοπή, Θρησκευτική και ήθική έγκυκλοπαίδεια*. Αθήνα: Μαρτίνοσ, τ. 3, кол. 541–550.
- Kuz'muk, O. – Кузьмук, О. (ed.). (2007). *Поменник Введенської церкви в Близніх печерах Києво-Печерської лаври. Публікація рукописної пам'ятки другої половини XVII ст.* Київ: Фенікс.
- Laskaridis, Khr. – Λασκαρίδης, Χρ. (1997) (1). Η συμβολή των Ελλήνων της Νίζιασ στην πολιτιστική και οικονομική ανάπτυξη της Ουκρανίας, *Δωδώνη*, τ. 26 (1), 405–464.
- Laskaridis, Khr. – Λασκαρίδης, Χρ. (1997) (2). *Το καταστατικό της ελληνικής εμπορικής κοινότητας στη Νίζια της Ουκρανίας*, Ιωάννινα: Χρήστος Λασκαρίδης.
- Legrand, É. (1891). Une bulle inédite de Gabriel, patriarche d' Achrida, *Revue des Études Grecques*, 4 (14), 182–188.
- Morozov, O.S. – Морозов, А.С. (2009). Сердца, отданные Элладе. In: *Сердца, отданные Элладе. Жизнь замечательных греков Украины*. Нежин: ФОП Лук'яненко В.В., 12–53.
- Morozov, O.S. – Морозов, О.С. et al. (ed.) (2017). *Греки в історії Ніжина. Фотоальбом*, Ніжин: Лисенко М.М.
- Morozov, O.S. – Морозов, О.С. (2001). Грецькі храми в Ніжині: історія і сучасність. In: І.В. Бичко, В.А. Бугров, Н.Ф. Клименко et al. (ed.). *Грецьке Православ'я в Україні*. Київ: Прайм, 123–132.
- Papadopoulos-Kerameus, A.I. (ed.), Lатышев V.V. (trans.) Пападопуло-Керамевс А.И. Латышев В.В. (1908–1909). Материалы для истории архиепископии Синайской горы, *Православный палестинский сборник*, т. XX, вып. 1 (58), ч. 1–2. Санкт-Петербург: ИППО.

- Papadopoulos-Kerameus, A.I. – Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Α. (1891). *Τεροσολυμιτική βιβλιοθήκη*. Πετρούπολη: Β. Κιρσбаум, τ. 1.
- Papastratou, D. – Παπαστράτου, Ντ. (1981). *Ο Σιναΐτης Χατζηκυριάκης εκ χώρας Βουλᾶ. Γράμματα – ξυλογραφίες, 1688–1709*, Αθήνα: Ερμής.
- Pavlenko, S.O. – Павленко, С.О. (ed.) (2007). *Доба гетьмана Івана Мазепи в документах*. Київ: Києво-Могилянська академія.
- Pavlenko, S.O. – Павленко, С.О. (2004). *Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники*, Київ: КМ Академія.
- Réchayre, A.-P. (1936). L'archevêché d'Ochrida de 1394 à 1767: À propos d'un ouvrage récent, *Échos d'Orient*, 35, n. 182, 183–204.
- Petrunina, O.E. – Петрунина, О.Е. (2019). Парфений I. In: *Православная энциклопедия*. Москва: ПЭ, т. 54, 659.
- Pissis, N. (2020). Russland in den politischen Vorstellungen der griechischen Kulturwelt 1645–1725. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Podgradskaja, E.M. – Подградская, Е.М. (1980). *Экономические связи Молдавского княжества и Балканских стран с Русским государством в XVII в.* Кишинев: Штиинца.
- Podhajko, M.K. – Подгайко, М.К. (2014). Культурна спадщина Ніжинського грецького братства, *Вісник Маріупольського державного університету*, серія: Історія. Політологія, вип. 9, 56–66.
- Popović, M. (2021). The Patriarchate and the Churches of the Balkans. In: Ch. Gastgeber, E. Mitsiou, J. Preiser-Kapeller, V. Zervan (ed.), *A Companion to the Patriarchate of Constantinople*. Leiden; Boston: Brill, 156–160.
- Prinzing, G. (2021). La jurisprudence ecclésiastique dans l'archevêché autocéphale de Bulgarie/Ohrid (1020–ca. 1400). In: M.-H. Blanchet, F. Gabriel & L. Tatarenko (éd.), *Autocéphalies. L'exercice de l'indépendance dans les Églises slaves orientales (IXe–XXIe siècle)*. Rome: EFR, 159–177.
- Sekulovski, G. (2021). Essais de rétablissement de l'ancien archevêché d'Ohrid (XIXe–XXe siècle). In: M.-H. Blanchet, F. Gabriel, L. Tatarenko (éd.), *Autocéphalies. L'exercice de l'indépendance dans les Églises slaves orientales (IXe–XXIe siècle)*. Rome: EFR, 413–451.
- Semes'ko-Babaru, T.M. – Семесько-Бабару, Т.М. (2015). Історія подвійний Синайського монастиря в Києве и Нежине. In: Н.І. Комашко & І.Л. Бусева-Давыдова (ed.), *Русские иконы Синая*. Москва: Изд-во МП РПЦ, 41–46.
- Snegarov, I. – Снегаров, И. (1995²). *История на Охридската архиепископия-патриаршия*, т. 2. София: М. Дринов.
- Stanislav's'kuj, V. – Станіславський, В. (ed.) (2010). *Листи Івана Мазепи, т. 2: 1691–1700*. Київ: Інститут історії України НАНУ.
- Stanislav's'kuj, V. – Станіславський, В. (2014). Поїздка українського купця з Ніжина до Єгипту: незвичайна сторінка з історії торгових зв'язків Війська Запорозького часів Івана Мазепи з Османською імперією. In:

- Ранньомодерна Україна на перехресті цивілізацій, культур, держав та регіонів*, Київ: Інститут історії України НАНУ, 129–141.
- Storoževskij, N.K. – Сторожевський, Н.К. (1863). *Нежинские греки*. Киев: Унив. тип.
- Tchentsova, V. (2012). Le premier voyage du patriarche d'Antioche Macaire III Ibn al-Za'im à Moscou et dans les Pays roumains: 1652–1659. In: Ioana Feodorov (éd.), *Relations entre les peuples de l'Europe Orientale et les chrétiens arabes au XVIIe siècle*. București: Editura Academiei Române, 69–122.
- Tchentsova, V. (2015). A Corpus of Post-Byzantine Seals: Research cataloguing project. In: *Byzantine and Rus' Seals. Proceedings of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography*. Київ, Україна, 13–16 September 2013. Kyiv: Sheremetievs' Museum, 263–279.
- Velyčko, S. – Величко, С. (2020). *Літопис*, упоряд. Г. Боряк, Т. Таїрова-Яковлева et al. Київ: КЛІО.
- Volumina legum* (1860). Petersburg: Nakladem i drukiem Jozafata Ohryzki, t. 5.
- Vladimir (Filantropov) – Владимир (Филантропов), архим. (1894). *Систематическое описание рукописей московской Синодальной (патриаршей) библиотеки*, т. 1: *Рукописи греческия*. Москва: Синод. тип.
- Zozulja, S. – Зозуля, С. (2017). Формування архітектурного ансамблю грецького кварталу в Ніжині та перспективи його регенерації на сучасному етапі. In: О.С. Морозов & Л.О. Зайко (ed.), *Грецька громада Ніжина: історія та сучасність*. Ніжин: Лисенко М.М., 84–104.
- Žarkukh, M. – Жарких, М. (2018). *Введенський синодик*. Київ: [s. n.].

Vera Tchentsova – received her PhD in the Institute of General History of the Academy of Sciences of Russia in Moscow, where she started to conduct research specializing in Byzantine history. She is senior researcher in the ERC AdG 2019 Typarabic project in the Institute for South-East European Studies of the Romanian Academy, associated member of the UMR 8167 “Orient et Méditerranée / Monde byzantin” in Paris and of the Orthpol ERC StG 2020. Her interest in manuscripts and archival documents then led her to join the research projects on the unpublished materials concerning the relations of Russia with the Christian East in the 16th–18th centuries from the Muscovite depositories. Later she combined these studies with the research work in foreign collections of documentary materials (in Greece, Italy, Ukraine, Romania), preparing publications regarding church contacts, diplomatic links assured by the representatives of the Orthodox clergy, international politics in Eastern and South-Eastern Europe, *translatio* of “Byzantine heritage,” post-Byzantine art and its artistic influences in East-European countries. She is the author of *Ikona Iverskoj Bogomateri* (*The Icon of Our Lady of Iviron*, Moscow 2010); *Kievskaja mitropolia mezhdru Konstantinopolem i Moskvvoj*, 1686 (*Metropolitan See of Kyiv between Constantinople and Moscow*, Kyiv 2020), and of numerous articles on Church history.

